СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Когда ты
станешь моей
Мария Высоцкая

Мария Высоцкая

Когда ты станешь моей. Книга 1

Серия «Законы безумия», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67746854
SelfPub; 2022

Аннотация

Вы верите в дружбу между мужчиной и женщиной? Они верили, верили до тех пор, пока жизнь не закрутила их в свой коварный водоворот событий. Когда не ясно, кто друг, а кто враг, когда страсть затуманивает разум, а ненависть диктует коварные планы. Судьбы бьются, словно тонкий хрусталь, а сердца трещат по швам, именно в такие моменты решения становятся жёсткими, порой необдуманными, и предательство кажется закономерным.

Дилогия.

90-е годы, криминал.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 5
Эпизод первый: Встреча. Глава 1 13
Глава 2 23
Глава 3 28
Глава 4 32
Глава 5 41
Глава 6 51
Эпизод второй: Под откос. Глава 7 56
Глава 8 66
Глава 9 81
Глава 10 86
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Мария Высоцкая
Когда ты станешь моей. Книга 1

Пролог

Конец 80-х.

Доронин.

Подаюсь вперед, понимая, что уже поздно. В этом вся Баженова! Маринка летит вниз с этой проклятой горы, закручиваясь волчком. Перемахнув через поломанные ветки, не то бегу, не то скатываюсь за ней следом на подошвах кроссовок.

Пара секунд, и мы оба валяемся на песочной дороге. Прижимаю ее к своей груди, приоткрывая один глаз, слышу ее тихое завывание, конечно, это только начало. Разжимаю захват и сажусь рядом с ней.

– Живая?

Маринка всхлипывает и, обливаясь слезами, усаживается на пятую точку, смотря на свои грязные ладони и разбитые колени. Руки и ноги украшают красные следы от травы и хлестких веток, встреченных на ее пути, пока она катилась вниз.

– Не знаю, – сводит брови, растирая щеки, не переставая смотреть, как кровь мелкими струйками сочится из ранок, исполосовав голени.

– Ты зачем туда полезла?

Мне смешно и жалко ее одновременно, снимаю футболку, прикладывая ее к разодранным коленям.

– А зачем мы сюда пришли? За земляникой.

– Конечно, именно в этой яме ее было тьма, – откидываюсь назад, падая на песок, царапающий спину, сдерживая смех.

– Мне больно, Доронин, а ты издеваешься, – еще один всхлип.

– Давай подую.

– Подуй, – задирает подбородок, начиная икать от слез.

Отталкиваюсь от земли, аккуратно перекидывая ее ноги через свои. Она ойкает, состряпав недовольную мордашку.

– Больно.

– Терпи, подую – и заживет.

– Конечно, – вздыхает.

Маринка упирается лбом в мое плечо.

– Как домой пойдем? – убираю футболку, дуя на ранки.

– Ты меня отнесешь.

– Тут километров шесть.

– А я не такая и тяжелая.

– Аргумент. Сходили за земляникой, блин.

Маринка начинает громко смеяться, вздрагивая от прикосновения моих пальцев под своим коленом.

– Поаккуратнее.

– Ага.

Сейчас было бы неплохо подняться наверх и принести во-

ды, чтобы промыть ее царапины. Что у нее в голове вообще? Ходит, под ноги ни черта не смотрит. Закатываю глаза, замечая ее хитрую улыбку.

Если бы не наша дружба, я бы нашел миллион других способов, чтобы ее успокоить, жаль, это не про нас, да и в армию скоро, этот геморрой с девчонками мне сейчас совсем ни к чему. Хотя моя Баженова красотка, одни только ноги чего стоят, мысленно даю себе оплеуху и резко убираю от нее руки. Все, пора домой, а вечером с Лукьяном по девкам, иначе я точно ее случайно где-нибудь… все, стоп. Домой идем.

Встаю, аккуратно поднимая ее с земли. Платье задирается под моими ладонями, а Маринка, ойкнув, обнимает мою шею, убирая с лица прядь каштановых волос. У нее длинные густые волосы, они ярко блестят на солнце, переливаются так, что к ним хочется прикоснуться.

У нас с Баженовой с самого начала сложились какие-то странные и непонятные для окружающих отношения. Мы не встречались, никогда не были парой и ни разу не целовались. Нас связывала крепкая взаимная дружба.

Баженовы переехали в наш город, когда Маринке было лет семь, поселились в соседнем подъезде, моя мать заставляла меня помогать Марише в школе, ведь она новенькая и маленькая. Поэтому можно сказать, я знаю эту наглую соплю с детства. Тогда она меня раздражала, до ужаса. Все гонять в футбол, а Доронин, как последний идиот, ведет эту мелочь домой после продленки. Мне тогда было девять.

Со временем она перестала меня бесить, и мы подружились. Вот – дружим до сих пор. Точнее, паразитируем друг на друге.

– Пешком не дойдешь? – обливаю остатками воды голову.

– Я вообще-то пострадавшая.

– Ладно, понял, понял.

Выбравшись из карьера, усаживаю ее на траву, быстро ополоснув ранки водой.

– Доронин, когда ты там в армию собрался?

– Через неделю. Я откуда знаю, повестки еще не было.

– Обязательно напиши мне письмо, чтобы я знала адрес.

– Обязательно, – язвительно.

– Блин, ну вот что я буду без тебя делать?

– В институт свой бегать.

– Вот, тебя даже не будет, чтобы поддержать меня, это же первый курс.

– Зато я наконец спою тебя, когда ты будешь выпускаться.

– Ой, ненормальных своих спаивай.

– Анфиску, например?

– Не трогай Мартынову, она и так на тебе помешалась! – голос становится тверже.

– Да нужна мне твоя Анфиска, пробы ставить негде.

– Доронин, блин, ничего, что она моя подруга?

– Да не, нормально.

– Все, пошли уже. Есть хочется.

– По лбу не хочется?

– Так смешно-о-о-о.

Не среагировав, иду вперед, не забыв прихватить Баженову с собой. Мы топаем часа два, потому что кто-то просто не может молчать и сидеть смирно. Она постоянно вертится, поправляет платье, волосы, а я делаю все, чтобы только не смотреть в вырез ее платья на груди. Мне хватает и этих прикосновений, да и вообще, кажется, я перегрелся, потому что моя Баженова – друг, а не баба. Хотя в последнее время я готов с собой об этом поспорить.

Во дворе затаскиваю ее в подъезд. Ванда Витольдовна открывает дверь и, охнув, пропускает нас в квартиру.

– Саша, здравствуй.

– Здравствуйте.

– Марина, – вздох, – ну что с тобой опять приключилось?

– Все хорошо мама, – улыбка, – меня в комнату, – уже мне.

– Саш, так проходи, не разувайся, – ее мама идет следом.

Сажаю Баженову на кровать, растирая затекшую шею. Она так в меня вцепилась, до сих пор ощущение, что машину картошки разгрузил.

– Марина, у тебя кровь, – женщина подается к дочери, рассматривая ссадины на коленях.

– Я чуть-чуть упала с горы.

– Что? Марина!

– Ну мам, все нормально.

– Сейчас перекись и зеленку принесу.

– Может, без зеленки?

– Нет.

– Блин, придется ходить в джинсах.

– Какая трагедия, никто не будет пялиться на твои ноги.

– А ты и рад.

– Я?

– Ну не я же. Ты меня сегодня всю излапал.

– Я тебя домой притащил, а мог бы бросить.

– Ладно-ладно. Вечером гулять пойдем?

– Нет, я с Лукьяном.

– Я возьму Анфиску и с вами, правда, потом у меня дело, но немножко могу…

– Мы не на ту прогулку, – убираю руки в карманы, облокачиваясь на подоконник.

– Точно, ты с Маратиком только по девкам путаешься.

– Очень интересное занятие.

– Погоди, сейчас тебя заберут и два года будут бромом поить.

– А ты и рада.

– Конечно рада. Я просто не могу смотреть, как мой Доронин со всякими швабрами зажимается. Вот хоть бы одна нормальная была.

– На своих уродцев посмотри.

– Знаешь что, – хочет встать, но, передумав, швыряет в меня игрушечного медведя.

Ловлю игрушку, вытянув руку.

– Так, вот зеленка, – Маринкина мать возвращается в ком-

нату, – и перекись. Ты сама или мне?

– Я сама, мамуль.

– Отойдите от нее подальше лучше. Иначе оглохнете, как она визжать будет. А это всего лишь зеленка.

Маринка цокает языком и капает на ранки перекись.

– Блин, еще рука болит, синяк будет.

– Марина, ты у меня тридцать три несчастья.

– Ага. Мам, а покушать есть что-нибудь?

– Щи будете? И я там пирогов с морковкой напекла.

– И то, и то, – забираю у Баженовой зеленку, чтобы открыть, иначе через минуту она вся будет состоять из раствора бриллиантовой зелени, – на, – протягиваю обратно.

– Спасибо. Я только чай и пирожок.

– Саш, а ты?

– Я буду все.

– Ладно, через пару минут приходите в кухню. Ты ходить-то сама можешь? Раненая моя?

– Думаю, да. Да и вообще, тут вон Доронин есть, донесет.

– Марина, прекрати издеваться над Сашей. Я бы на твоем месте, – поворачивается ко мне, – в кино с ней сегодня не пошла.

– В кино? – свожу брови, не понимая, о чем речь.

– В кино, в кино, – вклинивается Маринка, – забыл, что ли? Мы с тобой сегодня на вечерний сеанс собирались.

– Забыл, – улыбаюсь ее матери.

Как только теть Ванда уходит, смотрю на Баженову, ожи-

дая объяснений.

– Мы с Сережечкой договорились в кино, но ты же знаешь, отец меня вечером с незнакомым ему парнем не отпустит. Вот я и приукрасила. Чуть-чуть. Мы же друзья.

– С тем Сережей, которому в прошлый раз наши местные пендалей надавали?

– Не смешно вообще-то. Он, между прочим, хороший, в институте моем учится.

– Учителишка.

– Фу, Доронин, как грубо. Донесешь?

– Сама дойдешь.

Выхожу из комнаты, понимая, что начинаю злиться. Сережа, бл*дь, какой-то. Достала уже со своими хахалями. Саша, прикрой, папа не отпустит! Бесит.

На кухне мою руки и сажусь за стол. Маринка приковыливает следом, а в дверь раздается звонок.

– Я открою, ешьте.

Ванда Витольдовна идет в прихожую, откуда я слышу знакомый голос. Вскоре запыхавшаяся Людка появляется в дверном проеме с кислой миной на лице.

– Чего? – откладываю ложку.

– Тебе повестка пришла. Мама там плачет, – выдает сестра, сползая по стеночке на корточки.

Маринка роняет на пол пирог, который сжимала в руке, и застывает, сидя с открытым ртом.

Эпизод первый: Встреча. Глава 1

Прошло 2 года.

– Баженова! Ба-же-но-ва!

– Да иду я, – ворчу, открывая дверь.

Подружка залетает в квартиру с горящими глазами, скидывая туфли у комода, и нагло прет на кухню.

– У меня таки-и-и-ие новости, закачаешься. Мой Доронин возвращается из армии, – заявляет, усаживаясь на стул. – Людка сказала, что Саня сегодня приезжает.

– Когда он успел стать твоим? – наливаю в чашки заварку.

– Всегда им был, – хмурит бровки, – вернулся мой Сашенька.

– Я тебя поздравляю, – забираюсь на подоконник, сжимая в руках кружку, и делаю небольшой глоток.

– Ты за меня совсем не рада?

– Очень рада, – улыбаюсь, но, наверное, не очень искренне.

Меня бесит эта ее приставочка «мой», потому что не ее он совсем.

Анфиса продолжает болтать, а я смотрю сквозь нее, крепче сжимая фарфор в своих ладонях. Ее бестактность дико

раздражает. Впрочем, мы же с ним просто друзья. Да, именно они, но почему-то сейчас этот факт меня дико напрягает. Возможно, потому что, пока он был в армии, я регулярно бегала на почту за письмами, до сих пор чувствую то предвкушение, с которым я их распечатывала.

Прошло целых два года, а я все еще с замиранием сердца вспоминаю, как убегала ночью из дома тайком от родителей, чтобы прогуляться по ночному городу. Как он тащил меня с карьера шесть километров, когда я свалилась с горы, он тогда рассказывал мне дурацкие анекдоты и дул на разбитые колени. А я ревела и смеялась.

Мы не встречались, нет. Даже не целовались, мы дружили. А потом его забрали в армию, так быстро, словно по щелчку. Я заболела в самый неподходящий момент, и, когда я лежала с температурой под сорок, папа, решивший навестить нас с бабулей, не пустил меня на проводы, и я прорыдала полночи в подушку, слыша из окна песни под гитару и крики Доронинских друзей во дворе. Я так с ним и не попрощалась…

Через неделю, как только мне отменили постельный режим, я купила конверт, села за стол и долго не знала, что написать, было так много мыслей, что позже невозможно было остановиться. Исписав четыре листа, я оправила лишь один.

Два года его службы мы обменивались письмами, которые были моей отдушиной. Они были наполнены позитивом и возвращали во времена беззаботности. Я писала только о хорошем, как и он. Я писала о том, как мне нравится учиться,

а сама рыдала над этим письмом, смотря на фото умершей матери. Я ничего ему не рассказала, ни о том, как ее не стало, ни о том, как в моей жизни появился Боря. Долгое время никто не знал о наших отношениях с Яковлевым, нет, мы ничего не скрывали, все это вышло само собой. Когда умерла мама, он очень сильно меня поддержал, не знаю, что бы со мной стало, не будь его рядом.

– Так, на вечер ничего не планируй, я все придумала.

Анфиска вернула мена на землю своим заявлением, а дверь в прихожей открылась. Я спрыгнула на пол и направилась туда, оставляя Мартынову наедине с ее безумными идеями.

– Бабушка! – забрала у нее пакет. – Зачем ты все это таскаешь? У тебя же сердце.

– Прекрати, я не беспомощная, Марин.

– Конечно нет, но я переживаю.

Бабуля разулась и бойко пошагала в кухню.

– Баба Ванда, Сашка Доронин из армии возвращается, – прощебетала Анфи воодушевленно. Мартынова никогда не умела сдерживать свои эмоции.

– Считай, прощай, спокойная жизнь. Весь двор опять вздрогнет.

Бабуля вздохнула, а я со смешком закатила глаза, усаживаясь обратно на подоконник. Ба же налила в кастрюльку молока, ставя ту на плиту.

– А вы Марину отпустите с нами сегодня?

– Анфиса!

– С кем с вами?

– С Борей, например, – наимилейше улыбнулась, пытаясь задобрить бабулю.

– Опять гулянки? Не нравится мне это.

– Бабулечка, – хмурюсь, закинув ногу на ногу, – не ворчи. Тебе ничего не нравится.

– Я не ворчу. За тебя же переживаю.

– Ну мы же хорошие девочки, вы же знаете.

– Знаю я, знаю. А по поводу вечера надо подумать…

– Пошли, Анфиса, – хватаю подругу за руку, раздражаясь из-за бабушкиных слов.

Я не хочу ее расстраивать, но и отпрашиваться ~~на~~ погулять в восемнадцать лет меня тоже не совсем устраивает.

– Куда пошла? Есть сейчас будем, – грозно кричит вдогонку бабушка.

– Мы в комнату, – закрываю дверь, падая на подушку рядом с телефоном.

– Блин, ну она же отпустит?

– Не знаю. Да и какая разница?

– Марина! Как – какая разница? Ты моя подруга, ты мне нужна, а как же группа поддержки?

– Ну если только…

– Ты что, совсем не рада Сашкиному возвращению? Вы же все детство дружили.

– Дружили, дружили. Очень рада, – отворачиваюсь.

Какая-то я сегодня нервная, чересчур нервная. Анфи это чувствует, а потому быстренько собирается слинять.

– Так, я домой, мне срочно нужно сделать прическу и маникюр. Ты ко мне забежишь?

– Не знаю. Борю подожду, обещал приехать.

– Он все еще на даче?

– Да, маман припахала его по уши.

– Тогда тем более ко мне приходи, вместе веселее ждать, и у меня у мамки вино домашнее припрятано.

Анфиса подмигнула и, подпрыгнув с пола, провела ладонями по своей талии, покрутившись перед трюмо.

– Я подумаю.

За дверью послышался недовольный голос бабули.

– Все, мне пора, приходи!

– Ладно.

Выпроводив Мартынову, иду обратно на кухню.

– Ты полы вымыла?

– Конечно, – отвечаю, вытеснив ее от плиты и помешав кашу железной ложечкой.

– Отец обещал приехать завтра.

– С этой своей?

– Марина, ты знаешь…

– Я знаю, просто не могу с этим свыкнуться.

– Он еще не старый мужик, ему нужно жить дальше.

– Я все понимаю, бабушка. Все понимаю.

Со смерти матери прошло чуть меньше двух лет, а отец

уже нашел себе новую пассию. Елена, врач-онколог, они познакомились при еще живой маме, и иногда мне кажется, что их шашни начались еще тогда. Не могу об этом думать, стискиваю пальцы в кулаки. Отец тяжело перенес смерть мамы. Не знаю, кто для него эта женщина, носовой платок, жилетка, или он действительно что-то к ней чувствует…

Отец с матерью были вместе еще со школы, поженились, когда маме было семнадцать, ее родители подписывали разрешение на заключение брака. После еще десять лет мотались по гарнизонам. Отец был военным моряком, а я поздним ребенком, до меня у матери было три выкидыша, это сильно подорвало ее здоровье. Когда я родилась, папа уже был при звании, сейчас же он и вице-адмирал, и первый заместитель главнокомандующего ВМФ. Серьезный человек, у которого ни на что нет времени.

Мама была рядом с ним всю свою жизнь, но, несмотря на его успехи в работе, не переставала заниматься и своей карьерой. Сразу после родов она продолжила играть в театре. Вся ее жизнь напоминала хорошо поставленный спектакль.

Я не очень помню родителей в те времена, когда была ребенком. Сначала меня воспитывали няньки, потом отец решил, что будет лучше, если я поеду жить к бабушке. Так и случилось, я отправилась в небольшой город в пятистах километрах от Москвы, а родители продолжили строить карьеру.

Поджав губы в такт своим мыслям, я чуть не проворонила

момент, когда закипело молоко. Вздрогнув, убавила огонь, высыпая ячневую кашу в кастрюльку.

– Скоро будет готово.

Бабушка одобрительно кивнула, выглянув из-за развернутой газеты, и вновь принялась за чтение, поправив на носу очки.

Помешивая крупу, я задумалась о Сашке. Когда мы учились в школе, от Доронина пищали все девчонки, которых я знала. Многие из этих дам терпеть меня не могли, я ведь вечно таскалась за Саней следом, так пошло с детства, он стал первым человеком, с которым я познакомилась в этом городе. Помню, как его друзья надо мной издевались, обзывали и угрожали у Сашки за спиной, чтобы я больше к ним не приходила. Правда, я сразу же ему на них настучала, после они меня не трогали, видимо, получили люлей. Я всегда воспринимала Доронина как старшего брата, а когда выросла, окончательно поняла, что с ним мне ничего не страшно.

Я верила и верю в нашу дружбу, как во что-то священное, настоящее, когда у тебя есть человек, с которым ты можешь быть собой. Анфи вечно меня к нему ревновала и устраивала скандалы, я же, в свою очередь, ограждала ее от него, чтобы после она не лила в подушку слезы. Доронин не был милым и прилежным парнем, он был бабником, а Анфиска этого не понимала, твердя мне, что с ней он остепенится, ведь она та самая. Наивная.

Смотря на нее сегодня, я поняла, что ничего не измени-

лось, судя по Анфисиной реакции, она вновь будет липнуть к Сашке, а тот, в свою очередь, не пропустит ни одной юбки.

Наверное, и дружбы нашей уже не будет, будет мое ему вранье, Боря, учеба, домашние хлопоты, взрослая жизнь… никто уже не будет дуть на разбитые коленки и рассматривать звезды в ночном небе.

Тряхнув головой и сведя брови в недовольстве, я яро ощутила этот прилив злости и отчаяния. Словно теперь, когда он вернулся, детство ускользнуло от меня навсегда.

Интересно, он сильно изменился?

В прихожей послышался шорох, и я напряглась.

– Это мы, – грубоватый женский голос стал ближе.

– Леночка!

Бабушка ринулась туда, а я раздраженно откинула ложку в раковину. Не хотела же так реагировать и бабушке обещала, но совершенно ничего не могла с собой поделать. Злость и желчь сжирали изнутри. Эта женщина в нашем доме – предательство чистой воды. Мы предали маму, все вместе ее предали. Прошло же только два года. Неужели отец все забыл? Неужели не любил ее? Эти токсичные мысли не давали покоя и постоянно брали верх.

Я вышла следом за бабушкой. Отец с этой женщиной как раз разулись. Он обнял бабулю, широко улыбнулся мне, протягивая какой-то пакет. Мы посмотрели друг другу в глаза, не посмев притронуться даже на секунду. Я переступила с ноги на ногу, поджимая губы и смотря в пол.

– Марина, здравствуй, – Лена протянула ко мне свои тонкие руки, а мне захотелось отпрыгнуть в сторону.

– Здравствуйте, – натянуто улыбаюсь, чтобы не расстраивать бабулю.

– Ребята, молодцы, что прилетели раньше. Проходите на кухню, – засуетилась бабушка, – Мариша, накрывай на стол, чай пить будем.

Я шмыгнула в кухню, ставя чайник.

– Ой, милая, – наигранно сладкий голосок за спиной, – я тебе платье купила.

Скептически улыбаюсь, стараясь не закатить глаза.

– Спасибо, – киваю, принимая из ее рук коробку.

– Примерь.

– Я потом.

– Марин, – папа выразительно смотрит мне в глаза, не повышая голоса. Но я знаю, он зол. – Лена хотела тебя порадовать…

– Ладно, – получается слегка резковато.

Забираю эту коробку и, закрывшись в комнате, кидаю это недоразумение на софу, снимая с себя одежду.

– Вот так сегодня и пойду, – смотрю на свое отражение в зеркале, напялив платье.

Картинка не для слабонервных. Вытягиваю руку, подмечая, насколько мне велик рукав, защипываю пальцами излишки материала на талии, подтянув подол вверх, чтобы слегка открыть голени. А этот грязно-синий цвет? Он же мне

вообще не идет. Проще было бы просто надеть на меня мешок, прорезав в нем дыры. Она явно постебалась.

Переборов гнев, выползаю на кухню, смахивая на чучело. Прокручиваюсь вокруг своей оси, с усмешкой смотря на отца.

– Просто невероятное платье, я обязательно надену его…

Отец раздраженно машет рукой, чтобы я кончала придуриваться.

Елена недовольно фыркнула, про себя, конечно, и почти убила меня своим гневным взглядом. Отцу же мило улыбнулась, быстро спохватившись раскладывать привезенный торт по тарелкам. Нет уж, сидеть с ней за одним столом я не стану. Круто разворачиваюсь и выхожу в прихожую со словами:

– Я поем у Анфиски.

Боре позвоню уже от Мартыновой. Переодеваюсь и, кинув Ленкино платье в пакет, чтобы показать Анфиске масштаб трагедии, вылетаю из подъезда, застывая как вкопанная.

– Саша? – убираю волосы за уши.

Глава 2

Дембель как-то неожиданно стукнул обухом по голове, я его ждал, а теперь не верил, что все кончено. Когда дни кажутся затянутыми и бесконечными, сложно осознать, что соленый ветер свободы уже дует тебе в лицо.

Городской вокзал не вызвал каких-то особых чувств, но дышалось легче. Мышцы расслабились, захотелось вдохнуть полной грудью. Серость и мрачность небольшого провинциального города больше не отталкивала, все казалось живым и правильным.

Перекинув рюкзак через плечо, прикурил сигарету, которую мы с Малышевым завернули еще в поезде, и двинулся к автобусной остановке, лишь боковым зрением замечая какую-то непонятную возню за углом.

Пара пацанов в спортивках без зазрения совести били мальчишку. С расстояния невозможно понять, сколько ему, но он явно уступал им в физическом развитии. Можно было пройти мимо, не обращать внимания, а можно…

Шаг по направлению драки, и вот нож уже выбит из руки того, кто с ехидной усмешкой двинулся в мою сторону, с садистским желанием вспороть горло. Небольшая потасовка, напоминающая детский утренник. За два года я неплохо натаскался в рукопашке, поэтому вколотить в землю пару иди-

отов не составило труда, главное, чтобы из-за угла в самый неподходящий момент не вышел третий.

Отряхнув ладони, протягиваю руку этому бедолаге, забившемуся в угол.

– Спасибо.

Парниша стирает рукавом кровь с лица, которая вмиг выступает вновь, в момент, когда я замечаю свой некогда голубой берет, он медленно становится коричневого оттенка, утопая в луже у самых ног. Касаюсь голой головы, стискивая зубы. Это злит, но не настолько, чтобы психануть.

– Козлы, – вытаскиваю его из воды, тряхнув в воздухе. – Не за что, – взгляд на мальчишку, усмешка и вновь подожженная сигарета. – Чего хотели?

– Не знаю, – отряхивает джинсы, – Влад, – протягивает руку.

– Саня, – зажимаю сигарету в зубах, отвечая на рукопожатие.

– Чего здесь забыл?

Шмотки у него явно из загранки, поэтому вопрос, как он тут оказался, очень и очень актуален.

– Гулял.

Я не успеваю что-то сказать и вообще подумать, прежде чем за спиной проносится черная тачка, она тормозит с мерзким скрипом, и бугай, вывалившийся оттуда, бежит в нашем направлении.

– За тобой?

– За мной, – кивает Влад.

– Владик, какого х*я? – матерится, видя два валяющихся тела рядом. – Твой отец мне яйца отрежет и собакам скормит.

– Все у меня нормально, – отмахнувшись, закатывает глаза и идет к тачке.

– Это кто? – почти тычет своим кривым пальцем мне в грудь, пробуждая желание эти самые пальцы ему переломать.

– Рембо. Поехали, Василек, у меня и так вся рожа болит.

– Это звери были?

– Зайчики. Не знаю я…

Смотрю им вслед, вникая в разговор, правда, ничего полезного для себя не извлекаю. Пока я не знаю, что в городе уже произошли изменения и все начало закручиваться, как тот волчок. Я, как никто, прочувствую эти изменения на собственной шкуре, чуть позже, а пока, не задумываясь о произошедшем и последствиях, медленным, но твердым шагом возвращаюсь на остановку дожидаться своего автобуса.

Оказывается, родной двор, в центре которого песочница и играющие в ней дети, за это время ни капли не изменился. Все осталось прежним, окна нашей квартиры на третьем этаже все так же выкрашены белой краской, а в Людкиной комнате к стеклу наклеены снежинки, хотя на улице лето.

– Саша?

За спиной знакомый звонкий голос, оборачиваюсь, видя

перед собой Марину, а лямка рюкзака как-то сама соскальзывает с плеча, вынуждая того упасть на землю. Подтягиваю вещи к сапогу, а сам неотрывно смотрю ей в глаза. Мариша стоит напротив, очень близко, прижимая к груди сумочку на тоненьком ремешке, на согнутом локте висит тряпочный пакет. На ней красное приталенное платье длиной чуть выше колена и бежевые туфли-лодочки.

Пухлые губы изгибаются в улыбке. Черные пушистые ресницы становятся влажными, но она быстро берет себя в руки, слегка пошатнувшись, но решив остаться на месте.

– Баженова, – подаюсь вперед, в каком-то бешеном порыве притягивая ее к себе.

Маринка звонко смеется, обхватывая мою шею ладонями, прижимается слишком тесно. Сглатываю, вдыхая аромат ее волос, время словно замирает.

– Привет, – прикусывает нижнюю губу, – Доронин, это на самом деле ты? – говорит быстро и сбивчиво, но я все понимаю.

Ловлю каждое ее слово.

– Я, – отстраняюсь, пробегая глазами по ее фигуре. – Ты красотка!

– Спасибо за комплимент.

– Сегодня с ребятами соберемся, придешь?

– О, Анфиска давно строит планы на твое возвращение. Люда ей сказала, что ты приезжаешь.

– Не удивила.

– А я, – улыбается, хлопнув длинными ресницами, – я подумаю.

– Помочь? – смотрю на пакет.

– Там только платье, сама справлюсь, – разворачивается и, стуча каблучками, направляется в соседний двор.

Смотрю вслед ее изящной фигуре, чувствуя прилив возбуждения и порабощающей нежности. Но вместе с тем я отчетливо вижу, что она изменилась, и эти перемены вовсе не касаются внешности.

Моргнув, разворачиваюсь в направлении нашего подъезда и, дойдя до двери, рывком притягиваю ее к себе, перешагивая высокий порог. Каблук кирзовых сапог стукнул о бетонный пол. Проскакивая через две ступеньки, поднимаюсь в квартиру, нажимая кнопку звонка.

Мама, вышедшая на площадку, замирает с приоткрытым ртом, хватая воздух. Вижу, как по ее щекам медленно стекают кристаллики слез, обнимаю.

– Сашка, – через тяжелый всхлип, – Саша, – ее пальцы хватко вцепляются в мои предплечья, сминая в ладошках форменный материал.

Глава 3

– Да, конечно, твоя мачеха жжет.

Анфиса приложила платье к себе, покрутившись перед зеркалом.

– Она мне не мачеха.

Раздраженно наблюдаю за подругой, а саму до сих пор колотит от встречи с Дорониным. Меня словно ударило током, по телу прошел высоковольтный разряд, стоило ему дотронуться.

– Ладно, ладно, не злись. Лучше расскажи, – откинув тряпку, подаренную мне Леной, Анфи присела рядом, – он сильно изменился?

– Кто?

Включаю дуру, хотя сама же и растрепала ей, что видела Сашку.

– Ну, Марин, – надувает губы.

– Немного, – пожимаю плечами, – слушай, я Боре позвонила, сказала, чтоб он сразу к тебе приезжал.

– Ага. Ну что значит – немного?

– Сама вечером увидишь, чего пристала?

Анфиса прищурилась, ей явно не понравился мой эмоциональный всплеск. Думаю, раньше она такого за мной не замечала. Господи, у меня уже паранойя. Ну не могу я так ре-

агировать на Доронина. Кто угодно, но только не я.

– Ладно, увижу. А вот и Боречка.

Мартынова вылезает в окно, прижимая плоский живот к подоконнику, согнув одну ножку в колене. Я же поднимаюсь с пола, высовывая нос следом. Боря действительно уже стоит под окнами, раздраженно пиная свой жигуль по колесам.

– Чего это он?

Анфиса закидывает руку мне на плечо, вынуждая почти улечься рядом.

– Не знаю, сломалось что-то.

– Бо-ря! – заливисто. – Поднимайся к нам.

Анфиска машет ему.

– Сейчас.

Борька широко улыбается, посылая мне воздушный поцелуй, после которого, поковырявшись в багажнике и вытащив оттуда коробку, идет в Анфискин подъезд.

– Чего это он там несет?

Мартыновское любопытство, как всегда, не дает ей покоя.

– Сейчас и узнаем, – пожимаю плечами, направляясь к двери.

Борька не заставил себя долго ждать. Ворвался в Анфискину квартирку, вручая подружке коробку яблок, из-за которой она чуть не грохнулась на пол или как минимум не сорвала спину.

Сам же заключил меня в кольцо рук, целуя в губы.

– Могли бы помочь, – причитает Анфиса, недовольно ста-

вя коробищу на стул у двери в ванную.

– Я соскучился, – шепчет Яковлев, совсем не слушая Анфисиных причитаний.

Пока мы обнимались и я зажмуривала глаза, чтобы поймать момент, понять, что все сегодня совершенно иначе, Мартынова успела оттащить яблоки на кухню, вскипятить чайник и пару раз высунуться в открытое настежь окно.

Боря в который раз пробежал ладонями по моей талии, опускаясь ниже. Нагло залезая под подол моего платья и сжимая ягодицы. Крепче притиснул к себе, и я прекрасно чувствовала его возбуждение.

– Тут Анфиса, – вытягиваю руку, чтобы немного отстраниться.

– Да ей наплевать.

Боря бесцеремонно и жадно целует мою шею, оставляя влажные следы, совершенно игнорируя мои попытки не делать этого сейчас.

– Что не так? – раздраженный выдох.

– Все нормально, – киваю, – правда, с папой поссорились немного.

– Все будет хорошо. Мариш, мы две недели не виделись, – его пальцы касаются моей груди, – я соскучился.

– Борь, вечером. Мы в гостях.

Боря недовольно убирает руки, а я веду плечом в порыве стряхнуть с себя все эти прикосновения.

– Борик, а ты в курсе, что друг твой дембельнулся? – все

же не вытерпела Мартынова, высовывая свою мордашку в прихожую.

– Доронин? – Борька улыбнулся широко, слегка по-детски. – Серьезно? Вот он гад, даже не написал.

Мартынова с Яковлевым обмениваются эмоциями, а я ловлю себя на мысли, что мне он тоже не написал, точнее, последние четыре месяца мы не общались вообще, Боря, видимо, тоже.

Кстати, Яковлев учился с Дорониным и Лукьяновым в одном классе, пока отец не отдал его в кадетский корпус. После Борька поступил в школу милиции, а в этом году начал работать в местном отделении милиции.

Боря чмокнул меня в щеку и на эмоциях выскочил за дверь.

– Девки, – просунул голову в приоткрытую щель, – я быстро, Мариш, не обижайся. Я к Сане на пару минут.

Он хлопнул дверью, а Анфиса в очередной раз кинула на меня подозрительный взгляд.

– Что? – оборачиваюсь.

– Ничего, странная ты сегодня какая-то.

– Какая есть. Пошли ногти красить, ты хотела.

– Пойдем, я думаю, красный, – певуче протянула подружка, прихватив в спальню пару яблок.

Глава 4

Мама колдовала у плиты, а Людка, усевшись напротив, рассказывала о том, что и у кого изменилось. В дверь позвонили прежде, чем сестра успела закончить фразу.

– Кого там еще принесло? – недовольно сморщила нос, вставая из-за стола.

– Сам открою, – перехватил ее руку, – сиди.

Повернув ключ, потянул дверь на себя, видя стоящего на пороге Борю. Секундная пауза, прежде чем в квартире раздались наши громкие голоса приветствия и смех.

– Доронин! Мне девки сказали, ты вернулся, я даже не поверил сначала. Чего не позвонил?

– Не хотел баламутить, проходи.

– Боренька, – мама выглянула в прихожую, – проходи, мы обедать собираемся, будешь?

– Спасибо, теть Ань, я на минуту. Вечером гуляем?

– Само собой.

Яковлев хлопнул в ладоши.

– Тогда я парней соберу, и за тобой заедем.

– Куда едем-то?

– На дачу ко мне, я только родственничков по домам развез. Хата наша.

– Ладно, давай.

Борька ушел, а Люда с интересом посмотрела ему вслед, выскочив в прихожую.

– Куда намылились?

– Тебе скажи.

– М-м-м, маму не расстраивай, а то я вас знаю, особенно Лукьянова, – недовольно цокнула языком и, круто развернувшись, вернулась на кухню, усаживаясь на стул.

– Маратик, блин.

Мама уже накрыла на стол и все никак не могла перестать суетиться.

– Чего Боря приходил?

– Ой, мам, а ты не догадываешься? Пить поедут и по девкам, – закатила глаза сестра.

– Люда!

– А что, мама? Я не права? – рассмеялась.

– Уймись, – раздраженно смотрю на сестричку.

Никак не могу понять, что с ней не так, но что-то явно изменилось. Откуда эта дерзость, желание уколоть, язвительность? Та Людка, которую я знал и помнил, была другой. Моя сестра – олицетворение нежности, мечтательности, романтичности, по крайней мере, я запомнил ее такой. Только вот сейчас от всего этого остались лишь слова.

Протянул руку к солонке, подсолив горячий суп.

– Мамуль, я сегодня к девчатам пойду, мы договаривались, да и пятница.

– Хорошо, только если ночевать у Карины надумаешь,

брякни, чтобы я не волновалась.

– Ладно.

Людка крепко сжимает в руке ложку, смотря на меня с толикой злобы.

В кухне моментально повисает атмосфера напряжения и недомолвок, которую остро чувствуют все, кроме мамы. Она же витает в собственных мыслях, радуясь моему возвращению.

В восемь дом наполнился шумом телевизора. Людка уходит к подруге, проведя перед этим больше часа у зеркала в ванной. Проводив сестру взглядом, выхожу на балкон, вытащив перед этим из форменных штанов сигареты. Прикрыв дверь поплотнее, чтобы дым не шел на кухню, делаю первую затяжку, опершись корпусом на перила.

Смотрю вниз, у подъезда, в клумбах из старых шин, привычно цветут ноготки и астры. Соседка снизу выгуливала таксу, а баба Зоя, рассевшись на пол-лавочки, высматривала тех, о ком можно сочинить очередную сплетню. Залипаю в своих мыслях до тех пор, пока Борькина шестерка не останавливается у моего дома, оглушая прохожих льющейся из всех форточек музыкой. Марат вылез из салона первый, задрал голову вверх и, сунув два пальца в рот, свистнул, чем вызвал ворчание старушки.

– Саня, спускайся!

Усмехнувшись, стряхиваю пепел и, махнув на них рукой, чтобы ждали, выбрасываю окурок.

– Мам, я к пацанам, – застегиваю на груди олимпийку.

– Надолго?

– Как получится. Мы к Борьке на дачу, не волнуйся.

– Ладно, – целует в щеку, – сильно там не…

– Мам, – сжимаю ее плечи, – не маленький. Пока.

Выскользнув за дверь, через пролет сталкиваюсь с бабой Зоей, она с присущим ей недовольством и руганью дергает дверь своей квартиры, а увидев меня, встает посреди дороги, хватаясь за мой рукав, высказывая, как обнаглела молодежь.

Выслушав бред старушки, сбегаю вниз и, перемахнув через последние перила на первом этаже, выхожу на улицу. Марат, сидящий на капоте Борькиной машины, замечает меня одним из первых.

– Саня, – вытягивает руку с зажатым в ней пивом, – с возращением, – сделав несколько глотков, отдает бутылку Яше.

Маратик спрыгивает на асфальт, идя ко мне, и стоит нам поравняться, как он закидывает свою граблю на мое плечо.

– Короче, мы усе придумали, – кивает своим же словам, – сейчас едем к Яковлеву на дачу, – вытягивает указательный палец, – там шашлычок, банька, бл*ди.

– Э-э-э, – Боря недовольно хлопает Лукьяна по спине, – какие бабы? Мы так не догова…

– Тихо, я договорился, – продолжает Маратик, – или кто-то против?

– Я против, Лукьянов! – сложив руки на груди, как резаная вопит подошедшая Анфиска.

– Она чего тут делает?

Марат хмурится, а я пока стою молча, ожидая, чем закончится это представление.

– Я? Это ты чего приперся? – продолжает в своей манере Мартынова. – Козел!

– Охренела! У меня друган из армии пришел, вали давай отсюда!

– Боря! – верещит Анфи. – Он вообще, что ли?!

– Это я ее позвал, – вклинился Борис, – ее и Марину.

На последнем слове напрягаюсь автоматом, высматривая в повисших августовских сумерках Баженову. Она стоит за Анфиской, обнимая себя руками, и очень выбивается из этой толпы.

– Этот никуда без своей телки не ходит, – ехидно шепчет Лукьянов.

– Кого? – переспрашиваю, все еще смотря на Марину.

– Девка его вон, – тычет пальцем в Баженову.

– Она не телка, – сквозь зубы.

– Прости, я забыл, что вы дружили.

Лукьянов не придает всему этому значения, а я пока не определился, как реагировать и реагировать ли вообще. Впрочем, Боря, подошедший к ней и обнявший за талию одним своим движением, не просто машет передо мной красной тряпкой, вынуждая агрессировать, а в прямом смысле швыряет ее мне в лицо…

Втянув побольше воздуха и сглотнув вставшую в горле

желчь, осознавая, насколько я зол оттого, что она мне не сказала о Яковлеве, сжимаю руки в кулаки, предварительно спрятав их в карманы. Баженова спит с моим другом и не считает нужным поставить меня в известность.

Конечно, мы же не пара, мы друзья, и она ничего мне не должна. Но какого хрена она молчит о таких вещах? Выпускаю воздух, вытягивая шею, и, слегка запрокинув голову, забираю у Маратика бутылку, садясь под его болтовню в машину.

Они еще полчаса решают, кто куда сядет, где поедет и нужно ли еще заехать за водкой.

– Анфиску в багажник кидайте, – ржет Яша, настежь открывая дверь машины с моей стороны.

Боря же отодвигает Яшу в сторону, командуя тому садиться вперед.

– Саня, можно на пять сек? – касается моего плеча.

– Чего? – вылезаю из машины.

– Слушай, не знаю, где Марат нашел Рыжика и зачем с нами потащил, но мы все не влезаем, – покосился на Маринку, она стояла в стороне, будто непричастна к этому балагану вовсе.

– И?

– Мариша домой собирается, я, наверное, не поеду.

– Пусть идет, – смотрю поверх Бори на Баженову, – мы вообще без баб хотели.

Борька хмурится, а вот Марина, напротив, целенаправ-

ленно высоко задрав голову, шагает к машине, резко открывает дверь и залезает внутрь, напоследок шарахнув этой дверцей так, что стекла вздрогнули.

– Все решилось, – хлопаю Борьку по плечу, – она едет.

– Слушай, так как-то вышло, я тебе не написал, что мы с ней вместе, но вы же не встречались…

– Расслабься, – салютую бутылкой, – падай за руль, ехать пора.

А вечер обещает быть веселым.

– Двигайся, – говорю Баженовой, которая расселась на моем месте.

– Здесь не ку…

Без слов пересаживаю ее к себе на колени, фиксирую руку на ее талии.

– Ты ко мне опять клеишься? – спрашивает тихо, отодвигаясь к окну.

– У меня и без тебя сегодня полно планов, – опускаю ладонь на ее бедро и отворачиваюсь к Маратику, делая равнодушный вид.

– Я думал, ты ее терпеть не можешь, – думая, что шепчет, начал Лукьян.

Марина напряглась, поерзала в желании отодвинуться и вздрогнула, когда моя рука нагло легла на ее живот, под тонкую спортивную куртку, так, чтобы никто этого не заметил.

– Тебе кажется. Че там у нас по бабам?

В то время как я задаю этот вопрос, мои пальцы пробега-

ют по оголенной полоске ее кожи, между джинсами и укороченной футболкой.

– Эльдар с ними едет уже, не заморачивайся даже. Там такие девахи, закачаешься, – мечтательно протягивает Марат.

Анфиска же, все это время не отлипающая от бутылки красного сухого, громко смеется и рассказывает какие-то истории Рыжему.

Выпрямляюсь, чтобы притянуть Маришу ближе и сесть поудобнее. Моя ладонь покоится на ее животе, оглядываюсь, понимая, что Марат давно включился в разговоры Мартыновой и Рыжика, а Яша что-то бурно обсуждает с Борей.

Проанализировав это, без заморочек кладу подбородок на ее плечо, втягивая тонкий аромат духов. Касаюсь носом ее шеи, чувствуя под пальцами волну мурашек по ее телу. Она склоняет голову и, заведя руку себе за спину, начиная меня щипать. Это не очень больно, но явно неприятно.

– Значит… ты с Борей?!

Скорее констатирую, нежели задаю вопрос.

– Давай ответь что-нибудь. Могла бы написать: так и так, я трахаюсь с твоим другом.

– Что ты несешь?

Она вмиг начинает дергаться, пытаясь высвободиться, но внимания к нашему скромному диалогу привлекать явно не желает, поэтому враз прекращает все попытки от меня избавиться.

– Я не прав? Разубеди.

Прижимаюсь ближе, расстегнув верхнюю пуговицу на ее джинсах, усмехаясь ей в макушку. Маринка впивается ногтями в мою руку, пытаясь сделать больно. Улыбаюсь шире, поднимаясь по ее талии вверх, касаясь кончиками пальцев груди.

Глава 5

– Мы не встречались, – шепчу, сглатывая вставший в горле ком.

Сказать, что я в шоке, это не сказать ничего. У Доронина там совсем крыша поехала? Что за наглость? Он меня лапает и даже ни капли не смущается, что мы здесь не одни.

– Знаю, – с ухмылкой, – и именно поэтому ты мне ничего не сказала про Яковлева?

– Не трогай меня! – дергаюсь, отлепляя его лапу от своей груди, и слегка подаюсь вперед.

Анфиска резко поворачивается в нашу сторону, Саша разжимает кольцо из пальцев на моем запястье, почти отталкивая от себя, но пьяный мозг Мартыновой уже и так ничего не соображает. Машина резко тормозит у Бориной дачи, а я как ошпаренная вылетаю на улицу.

Первое, что я делаю, это забегаю в дом, прячась на кухне. Меня все еще колотит от произошедшего. Сердце готово вырваться из груди, сажусь на табурет, пытаясь успокоиться. Я до сих пор чувствую его прикосновения, касаюсь своего живота, втягивая его в себя. Да, именно здесь и ниже, веду ладонь к пуговицам на джинсах, а после резко кладу на грудь. Раздосадованно отнимаю руку, тру щеки, которые горят. Хочется пить, а лучше вернуться домой. Стоит об этом

подумать, как резко включается свет, режа глаза, прищуриваюсь, видя перед собой Борю.

Он стоит в дверном проеме кухни и быстро делает шаг в мою сторону. Поднимаюсь.

– Ты чего? – кладет ладони на плечи, слегка сжимая.

– Все нормально.

– Тебе здесь не нравится?

– Все нормально, – ежусь, – я сейчас приду.

– Это из-за Сани? Не переживай так, вы же не встречались, мы с ним поговорили, он все понимает, – подбадривающе продолжает Борька. – Поможешь овощи порезать, а то Анфиска там уже в кондиции?

– Хорошо, – целую его в щеку, прежде чем он выходит, – …все понимает, – шепчу себе под нос.

Мне было необходимо собраться, взять себя в руки. То, что Доронин говорил в машине, поддавалось объяснениям, в его словах, как ни странно, была логика. Мы очень близко и долго общались, он привык быть, скажем так, главным парнем в моей жизни, а теперь все изменилось, вот он и бесится. Но это временно, сейчас они с Лукьяном пойдут в разгул, и все вновь встанет на свои места. А его приставания логично списываются на то, что он только вернулся домой.

Хотя, кажется, я и сама не верю в то, в чем так старательно себя убеждаю.

Переборов эмоции, выхожу во двор и быстрым шагом направляюсь в беседку. На улице уже моросит дождь, и то,

что беседочка закрытого типа, меня радует. Парни уже разожгли мангал, а Боря вкручивал лампочку. Когда помещение озарилось светом, он помахал мне рукой, растягивая губы в улыбке.

Я же подошла к столу, беря в руки нож и огурец. Разрезая овощ на части, непроизвольно посматривала на широкую Сашкину спину. Он перегораживал собой обзор всего, что творилось у мангала. Анфиска, сидящая в кресле с бутылкой в обнимку, икнула и, встав на свои каблуки, потопала к Доронину. Ее ручки обвили его шею, пальчики пробежали по плечам, она что-то шепнула, томно рассмеялась, и он нагло устроил свою ладонь на ее заднице.

Не знаю, почему и зачем, но я раздраженно откинула нарезанные дольки огурца в тарелку и резко отвернулась, полоснув острым лезвием по пальцу. Щекочущая боль почувствовалась сразу, всхлипнув, поднесла кровоточащий указательный палец к губам, слизнув выступившую кровь языком, ощутив на себе взгляд.

Подняла голову, понимая, что Саша смотрит именно на меня. Он играет желваками, не замечая висящей на себе Анфиски, которая что-то ему рассказывает, то и дело оголяя свои ноги еще больше. Убираю пальцы от своих губ и, затаив дыхание, смотрю в его глаза, они глубокие, исторгающие холод вперемешку с каким-то понятным лишь мне беспокойством. Завожу руки за спину, опуская взгляд, ясно понимая, что он все еще смотрит.

Капли больше не ударяют о металлическую крышу, оглушая всех своим звуком, а это значит, что дождь закончился.

– Больно? – Борька подошел со спины, вынуждая меня вздрогнуть от неожиданности.

Я отрицательно мотнула головой, стараясь не смотреть на Сашу, пока Борис обнял мою талию, аккуратно поднося пораненный палец к своим губам. Подув на ранку, он прижался щекой к моему виску, целуя.

– Сань, давай пройдемся?

Это предложение прозвучало из Анфискиных уст – громко и четко. Она уже потянула Доронина за руку, но его окликнул Лукьянов.

Маратик открывал ворота, впуская во двор еще одну машину, из которой вышли два парня и три девчонки. Боря засуетился, быстрее подаваясь туда. Они долго переговаривались с Маратиком на повышенных тонах, но как итог распили примирительную бутылку портвейна. И где только взяли? Водка же была.

Пока все наслаждались вечером, разливали по стопкам алкоголь, чокались, говорили тосты, Анфиска успела переругаться с одной из пришедших мадам, закатить истерику и перевернуть кресло вверх ногами в порыве злости. С каждой минутой Боря становился все пьянее, впрочем, как и все вокруг.

Доронин улыбался и делал вид, что вообще меня не замечает, как и то, что пьет. Я своими глазами видела пару-трой-

ку раз, когда он выплескивал водку, при этом подбадривающе вливая ее в Яковлева. Его улыбки Боре были лживыми, и мне это не нравилось. Я прекрасно понимала, что он его спаивает, только вот зачем? Поговорить? Мы могли сделать это и без подобных мер. Показать мне, какой Боря плохой? Вряд ли сегодняшний вечер показатель!

Мы в сотый раз посмотрели друг на друга, когда Доронинская рука заползла под топик девчонки, приехавшей сюда после нас. Саша усмехнулся, и я демонстративно отвернулась.

– П*здец, – Анфиска хлопнулась рядом, залпом выпивая стопку водки, – ты видишь, что происходит? Кто вообще додумался сюда этих баб притащить? Чертов Маратик. Доронин совсем на меня не смотрит, – причитала, нервно счищая с ногтей ярко-красный лак.

– Может, домой?

– Какой домой? Ты обалдела? Он тогда точно кого-нибудь из них поимеет. Сидим здесь. Блин, Борька уже носом клюет, – стрельнула в Яковлева глазками.

– Вижу, – вздыхаю, стягивая полы куртки крепче.

– Не вешай нос, подруга, – сочувственно кладет руку на мое плечо, – прости, но я побегу, а то Сашка сейчас к этой шлюшке в трусы залезет.

Я кивнула и прикрыла глаза, упираясь затылком в деревянную стену беседки, чтобы не взорваться. Ситуация накалялась, нервы были на пределе, а когда Боря еле живой про-

топал в дом и бухнулся там на диван, мое терпение лопнуло окончательно. Вытащив из комода чью-то старую осеннюю куртку с капюшоном, я надела ее на себя и под шум празднества вышла за калитку.

До дома было километров пятнадцать, идти всю ночь – не самая радужная перспектива, но, если добраться до трассы, можно поймать машину. Что я несу? Среди ночи ловить каких-то неизвестных, а с утра очнуться изнасилованной или избитой, конечно, не входило в мои планы. Но, несмотря на это, я уже миновала проселочную дорогу, добравшись до моста, переброшенного через узкую речку.

Край куртки зацепился за гвоздь, торчащий из деревянных перил. Пока я выпутывалась, за спиной кто-то остановился. Сердце ушло в пятки, прежде чем я почувствовала запах терпких мужских духов, которыми я успела пропитаться в машине.

Доронин резко дернул куртку, вырывая кусок материала, который остался на гвозде, и, распрямив ладонь, отодвинул меня от перилины.

– Куда собралась?

– Спасибо, – оборачиваюсь.

– Не за что. Куда пошла-то?

– Домой.

– Не уверен, что далеко уйдешь.

– Уйду, – выдыхаю, продолжая шагать в сторону трассы.

– Подожди, – Доронин помялся на месте, но в итоге дви-

нулся следом, – провожу.

Мы шли молча и очень близко, иногда задевая друг друга ладошками.

– Значит, – пауза, – ты теперь с Борей?!

– Да.

– Могла бы написать, – говорит спокойно, идя по правую от меня руку.

– Не думала, что… да, наверное, стоило написать, – киваю, ускоряя шаг, словно пытаюсь сбежать от этого разговора.

Мне отчего-то стыдно, но за что? Все, что произошло, это нормальные вещи. Мы ничего друг другу не обещали… так бывает, когда жизнь меняет направление и людей в ней присутствующих. В моей произошло именно так.

Саша лишь усмехнулся.

– И давно вы?

– Как умерла мама, – засовывая руки в бездонные карманы куртки, – почти два года.

– Извини, я не хотел…

– Я уже почти привыкла, что ее нет. Нет, – качаю головой, – вру, не привыкла.

– Значит, Яковлев вовремя подставил плечо…

Доронин говорит это слишком резко, настолько, что в моей груди сразу зарождается протест. Боря очень многое сделал для меня, очень многое, и Доронин не имеет права очернять все это своими выходками.

– Вовремя, – остановилась, – и не смей больше так говорить, ты ничего не знаешь.

– А ты могла бы рассказать, написать о том, что тебя волнует, а не эту позитивную чушь!

– Зачем? Чтобы заморочить голову своими проблемами и тебе?

– Потому что мы друзья.

– Наверное, уже нет.

– Чего ты несешь? – застыл, резко дернув за руку.

– Мне больно.

– Прости, – разжал захват, – если ты думаешь, что…

– Не надо, слышишь? Не смей, если ты себе что-то придумал, не…

– Не сметь? Серьезно? Я два года думал о том, когда тебя увижу. А теперь ты говоришь мне не сметь? – повышает голос.

– Мы дружили, ты не должен был обо мне так думать. Не должен!

– А кто это решает? Ты? – подтянул меня на себя, не давая вырваться. – Я о тебе думал, когда спал, жрал, когда бегал эти гребаные марш-броски. Постоянно перечитывал эти дурацкие письма и ждал дня, когда тебя увижу.

Он говорит громко, вплотную притянув меня к себе. От его слов и хвата мне становится страшно. Чувствую себя жалкой в своих попытках отстраниться.

– Отпусти. Саша, отпусти, – очень тихо.

Доронин прикрывает глаза, разжимая пальцы.

– Странная у тебя, Баженова, дружба или ее отсутствие, – достает сигареты, – когда ничего не чувствуют, так не смотрят, – прикурил.

– Как?

– Так, как это было на даче, когда на мне висла Анфиска.

Я ничего не ответила, лишь пригладила волосы, немного вырвалась вперед. Сашка шел следом и курил, я чувствовала запах дыма и совершенно не знала, что делать дальше.

Мы вышли на дорогу вдвоем, шли прямо около часа, прежде чем проезжающая машина притормозила у обочины. Доронин перекинулся с водителем парочкой слов, и тот с энтузиазмом подбросил нас до города, не переставая болтать о жизни.

До дома все еще оставалась пара километров, а Сашино присутствие вгоняло меня в краску и какой-то странный стыд. Я шагала по тротуару и смотрела себе под ноги. Мы завернули за угол нашего двора, где и начался настоящий кошмар.

Доронин сориентировался первым, оттолкнул меня подальше, прежде чем вышедшие из стоящей посреди двора машины парни кинулись на Сашку. Завязавшаяся драка вогнала меня в оцепенение, я оторопела ровно до момента первого удара. Самый высокий и крепкий из этих уродов с размаха приложил Сашу битой в живот. Доронин согнулся пополам, падая на колени. Но им было мало, я слышала удары,

от которых, возможно, ломались кости, видела кровь. Они, матерясь, повалили его на землю, продолжая пинать. Тяжелые удары приходились по всему корпусу, и я заорала как ненормальная, кинувшись туда, за что получила по голове и упала на траву. Тот, кто это сделал, со смехом и маниакальным азартом подтянул к себе за лодыжки.

Он смотрел больными, холодящими внутренности глазами. Нож-бабочка в его руке умело коснулся моей щеки, а пальцы начали расстегивать джинсы. Я застыла, боясь пошевелиться, от ощущения холодного металла. Слезы затуманили обзор, внутри что-то оборвалось, слова застряли в горле. Я не могла даже кричать, меня окутал паралич страха. Его грязные лапы содрали с меня куртку и прижали спиной к земле. Острое лезвие опустилось на шею, пробежало по ключице и поддело футболку у живота.

– Оставь ее, – громкий голос сверху, – валим! Это еще не все, урод! – плюется в Сашкину сторону.

Я сжалась, а ублюдок отстранился. Нож исчез, как и вся троица. Я не сразу смогла встать, лежала, чувствуя стекающие по лицу слезы, а взгляд бегал по двору. Что это было? Сглотнув и посмотрев на Доронина, поднялась на четвереньки и поползла туда.

– Саш? – всхлипнула, переворачивая его на спину, и резко отдернула руку, пугаясь его окровавленного лица.

Глава 6

На автомате отталкиваю ее за свою спину, получая первый удар. Силы неравны, я пытаюсь что-то сделать, быстро сообразить во всем этом хаосе, но ножи, биты и три бугая – слишком сложная задачка. Удар под дых, когда ты напрочь лишаешься воздуха. Невозможно ни вздохнуть не выдохнуть. Меня ведет именно в тот момент, когда они добивают, вынуждая упасть на землю. Группируюсь, чтобы минимизировать последствия ударов, слышу Маринкин крик. Зачем она вообще дала о себе знать?! Все происходит слишком быстро, выплевываю кровь, открывая глаза. Гопота пропала, словно их никогда здесь и не было. Как ни странно, но во двор никто не вышел, упираюсь ладонью в холодную землю, чтобы подняться, но как итог чувствую головокружение вперемешку с прикосновениями.

Баженова переворачивает меня на спину, отшатываясь, но в ту же секунду склоняясь ко мне ближе.

– Саша? – всхлип. – Ты жив?

– Жив, – закрываю глаза, упираясь затылком в асфальт, – с тобой все нормально?

Она кивает, вцепляясь в мое запястье, и я слышу тихое поскуливание.

– Не реви, башка раскалывается, – с болью втягиваю воздух и медленно сажусь, опираясь на кулак.

Маринка сидит рядом на коленях, обнимая себя руками. С теми, кто это был, я разберусь позже, сейчас нужно сбагрить ее домой. Касаюсь ее плеча, пробегаю пальцами по шее, притягивая к себе. Мариша всхлипывает, огибая мою шею руками.

– Тебе что-нибудь сделали? – глажу ее спину. – Ударили?

– Нет, – мотает головой, – на землю уронили только.

– Извини, – вдыхаю запах ее волос, – я тебя не защитил.

– Ты дурак? Тебя чуть не убили! – повышает голос, и я морщусь от боли в голове.

– Не кричи.

– Прости, – отстраняется, – пошли ко мне, нужно раны обработать, – смотрит на мое лицо, – бабушка сегодня все равно с Костиком в няньках.

– С кем?

– Соседский мальчик, его мама одна воспитывает, в ночную часто работает, вот бабушка и сидит с ним.

– Ясно, – поднимаюсь, прижимая раскрытую ладонь к месту под ребрами.

– Больно?

– Нормально.

– Кто это был?

– Сам не понял, – осматриваюсь, – пойдем быстрее.

Через призму боли ускоряю шаг, прикрывая за нами подъездную дверь. Дома Маринка скидывает кроссовки и уносится в ванную. Разуваюсь, стаскивая олимпийку, и, задрав

майку, смотрю на себя в зеркало. Красное пятно, растянувшееся по всему правому боку, в скором времени посинеет. Касаюсь пальцами, сжимая челюсть. Неприятненько. И рожа болит адски, смотрю на разбитую губу и припухшую щеку со слегка содранной полоской кожи поверх брови – красавец.

Маринка выходит в прихожую, сжимая вату и бутылочку перекиси. Вздыхает, останавливаясь за моей спиной.

– Пойдем на кухню.

Киваю и иду за ней. В квартире ничего не изменилось, все осталось так же, как и два года назад. Баженова поправляет съехавшую по плечу лямку майки и, дождавшись, пока я сяду на стул, ставит на стол бутылек, который держала в руках.

– Будет неприятно, – прикусывает нижнюю губу, вставая между моих ног.

Маринка промачивает вату раствором, прижимая это дело к моей разбитой роже, аккуратно касается брови, щеки и, в очередной раз выбросив ватку в ведро, отрывает еще кусочек.

Наблюдаю за ней под тусклым рассеянным светом бра, сжимая руки в кулаки. Костяшки сбиты, нужно вымыть руки. Подаюсь вперед, чтобы встать, не ожидая, что она развернется. Мы врезаемся друг в друга, оказываясь слишком близко. Всего доля секунды, и Марина отступает, заводит руки за спину, пропуская меня к раковине. Намыливаю ладони, растирая их друг о друга, и ополаскиваю холодной водой, чувствуя на себе ее взгляд.

– Я сам, – забираю у нее вату, прижимая к губе, морщусь.

– Могу подуть, – едва улыбается.

– Обойдусь, – хочу усмехнуться, но неприятная режущая боль не позволяет растянуть губы.

– Саш, то, что ты говорил сегодня, там, на мосту…

– Даже не надейся, что я заберу свои слова обратно.

– Я с Борей.

– Знаю, – провожу языком по внутренней стороне щеки, чувствуя привкус крови, – и что дальше?

– Нам не стоит общаться, наверное. Ты испытываешь ко мне что-то другое… это явно не дружба.

– От того, что ты скажешь, что мы не друзья и нам не стоит общаться, вряд ли я изменю свое к тебе отношение, – пожимаю плечами.

– Я просто не хочу доводить до абсурда.

– А я люблю качественный треш. Если ты не хочешь признаться в своих ко мне чувствах сейчас, – упираюсь ладонями в стол, – что ж, я подожду.

– Доронин!

– Баженова, – все же улыбаюсь, и кровь начинает сочиться вновь.

Маринка в порыве помощи подается вперед, чтобы промокнуть кровоточащую ранку. Огибаю ее талию руками, притискивая к себе. Она вздрагивает.

– Ты вкусно пахнешь, – говорю тихо, втягивая воздух у ее виска.

– Прекрати, – вцепляется пальцами в мои плечи и явно хочет оттолкнуть.

– Что именно? – медленно провожу костяшками по ее щеке.

– Все, – повышает голос, – заканчивай этот цирк, хватит! – начинает нервничать и злиться. – Убери от меня руки.

Опускаю взгляд к ее мягким, пухлым губам и, не обращая внимания на протесты, сдавливаю щеки пальцами. Целуя. Маринка теряется, но быстро приходит в себя, начиная колотить меня по спине и брыкаться.

Помогаю себе второй рукой, прижимая ее затылок ладонью, не давая улизнуть.

– Не… на… до. Саша!

Прекращаю поцелуй, смотря в ее горящие злобой глаза. У нее расширились зрачки, и сердце бьется как ненормальное. Упираюсь своим лбом в ее, вдыхая побольше воздуха.

– Уходи, – сглатывает.

Отстраняюсь, а Баженова без всяких слов и предпосылок со всей дури залепляет мне по роже.

– Совсем больная? – прикладываю руку к горящей щеке.

– Я тебя просила, – поджав губы, – уходи.

– Дура.

Разжимаю кулак и, прихватив в прихожей кофту, выхожу на лестничную клетку.

Эпизод второй: Под откос. Глава 7

Это было ужасно, кровь пульсирует в висках, я и просто не могу взять себя в руки. Слышу, как хлопает входная дверь, вздрагиваю и на выдохе присаживаюсь на стул, крепко стискивая в руках бутылочку с перекисью. Неужели все это было наяву? Трогаю раскрасневшиеся губы, их все еще покалывает от поцелуя. Доронин явно выжил из ума, вздыхаю и направляюсь в душ, шаркая по полу красными тапочками с непонятными узорчиками.

Этот поцелуй стал для меня чем-то запретным и ужасающим одновременно. Он не имел права так со мной поступать. Зачем он устраивает этот цирк? К чему провоцирует? Мой Доронин никогда таким не был, по отношению к кому-то – возможно, но не ко мне. Что с ним произошло? Откуда столько агрессии… складывается стойкое впечатление, что он считает меня своей собственностью. Он злится из-за Бори, но это же моя жизнь. Я имела право поступать так, как велело мне сердце. Но что оно говорит теперь? Я не знаю.

Еще и эти люди, куда он успел вляпаться на этот раз? Кто они? Чего хотели? В голове полная вакханалия из мыслей, не могу сосредоточиться хоть на чем-то. Залезаю в глубокую ванну, на дне которой виднеются черные сколы, открываю кран, ощущая теплую воду, дошедшую до кончиков паль-

цев на ногах. Перед глазами кровь, в ушах глухие звуки ударов, накрываю лицо ладонями, чувствуя дрожь. Мне страшно. Ужас обволакивает тело от макушки до пяток. Притянув колени к груди, смотрю на струю воды, а внутри пустота…

Я не понимаю этот странный порыв, этот поцелуй, возможно, это стресс. Я в это искренне верю, точнее, убеждаю себя, потому что в моей голове никак не укладывается новая картинка нашего с ним мира. Все кажется глупым, но в то же время до ужаса сложным. Зачем я вообще ушла из дома, оставила Борю? Обстоятельства сегодняшнего дня навалились одно за другим.

Ловлю себя на мысли, что потащила Доронина домой с полной уверенностью, что в квартире никого нет. Я не верила, что отец останется ночевать, это было бы за гранью, он приехал навестить мать и слинял при первой же возможности.

Приняв ванну, заворачиваюсь в полотенце и иду к себе, ложусь на кровать, укутываясь с головой одеялом.

Просыпаюсь, когда комнату озарило утреннее солнце, а на кухне зашумела бабуля, она гремит кастрюлями, вероятнее всего, собираясь закатывать еще одну порцию огурцов.

Ставлю ноги на коврик у софы и, потянувшись, накидываю на плечи тонкий бледно-розовый халат. Выскользнув в прихожую, заглядываю на шум.

– Доброе утро, – забираюсь с ногами на стул.

– Какое доброе? Черт-те что вчера творилось, говорят.

Крики, драка, ужасы.

– Да уж, – поджимаю губы, а бабушка перебирает жестяные крышки.

– Давай листья и укроп по банкам разложи, – командует, не отрываясь от своего занятия.

– Хорошо.

– Чего это ты в такую рань и уже дома?

– А где я должна быть? – беру трехлитровую банку.

– На даче своей.

– Бориной. Я еще вечером вернулась, надоели эти гулянки.

– Поцапались, что ли?

– Нет, с чего ты взяла?

– Так Сашка вон вернулся.

– И? – застываю со сжатой в зубах укропиной.

– То они жить друг без друга не могут, то она дурочкой прикидывается.

– Бабушка!

– Что – бабушка?

– Мы дружили…

– Знаю я такую дружбу. Ну чего встала? Давай раскладывай, раскладывай, само не сделается.

– Раскладываю, – шиплю, набивая дно банки листьями черной смородины. – Отец, я смотрю, надолго не задержался, улетел уже.

– Дела у него, а ты в следующий раз веди себя нормаль-

но. Смотрите на нее, чуть что, так скорее бежать. В песок от проблем голову прятать каждый, Маринка, может! А ты бы взяла да и поговорила с отцом по-человечески, глядишь, и самой легче бы стало.

– Ты знаешь, почему я так…

– Лена, думаешь, виновата, а в чем? В том, что мать твоя умерла?

Чувствуя, как подрагивает подбородок, крепче стискиваю зубы. Молчу, раскладывая укроп, и смотрю в одну точку перед собой.

– Что, слезы там льешь?

Бабушка вздыхает и, отложив свои заготовки, садится на стул позади меня. Тянет за край халата, настаивая, чтобы я присела рядом. Делаю это на выдохе, продолжая сминать ножки укропа в кулаке.

– Ну вот чего ты ни себе, ни ему жизни не даешь? Шура умерла, и ты не хуже меня знаешь, как Юра переживал. Он полгода толком ни ел, ни спал. Эта Лена хоть на человека его похожим сделала. А ты все нос воротишь! И отца похоронить хочешь?

– Что ты такое говоришь? – вытираю слезинку, упорно отворачиваясь от бабушки.

– Так вот тогда слушай и не реви. Удумала она тут сырость разводить, – бабушка положила ладонь на мое плечо, – поговори с отцом, вы же родные люди. И перестань ее ненавидеть, она не виновата в том, что случилось.

– Поговорю, – киваю, – поговорю.

– Вот и хорошо. Боря зайдет сегодня?

– Не знаю, – сглатываю слезы, растирая их по лицу, – у него похмелье.

– Лучшее лекарство – бабушкин рассол.

– Лучшее. Так что там во дворе произошло? – интересуюсь как бы невзначай.

– Не знаю я. Темно было, и фонарь у нас один рабочий, у пятого дома. Но Петровна слышала, как машина приезжала и как девчонка орала. Били, говорит, кого-то! Хотя, зная Петровну, приснилось ей, что ли?!

– Понятно, – поджимаю пальчики на ногах, – слушай, я забыла, мне сегодня в институт нужно, на кафедру, просили помочь, скоро первое сентября.

– Иди уже, бездельница.

– Я вернусь и все сделаю.

– Шуруй давай, – бабушка махнула рукой, мол, отвяжись, продолжая заниматься своими делами.

Выскользнув из кухни, я первым делом засела в комнате у телефона, крутанув диск, набрала номер Дорониных. После пары гудков трубку взяла теть Аня.

– Здравствуйте, это Марина, а Сашка дома?

– Марина, здравствуй! Нет, он еще с утра убежал.

– Понятно, извините.

Отставляю телефон, складывая руки на груди. И куда он собрался? Волнение возвращается мгновенно, если он ре-

шил что-то выяснять, то дело может принять более серьезный оборот. Поразмыслив, беру с полки расческу и, быстренько зачесав волосы в хвост, надеваю джинсовый сарафан. Прихватив из шкафа ветровку, выхожу на улицу. Когда прохожу мимо того самого места, меня начинает колотить. Ускоряю шаг.

Через час я, постоянно оглядываясь и вздрагивая, иду по проселочной дороге к даче Яковлева. Хорошо, что автобус сюда ходит часто, а все эти гуляющие еще должны быть там. Облизываю пересохшие губы, открывая деревянную калитку, поросшую вьюном. Вокруг тишина и ни единой души. В беседке бардак, окидываю взглядом дом из сруба, крыльцо которого выкрашено голубой краской. Перешагнув через две ступеньки, дергаю на себя дверь, почти влетая в Лукьянова. Маратик стоит передо мной с расстегнутой на джинсах ширинкой, голым торсом и разлохмаченными волосами, выглядит все это совсем не привлекательно.

– О, Баженова, – морщится, делая глоток воды из металлической кружки, – ты здесь как?

– Боря где?

– Спит, его как вырубило вчера, так он и спит.

– Ясно, – хочу пройти, но он преграждает дорогу.

– Слушай, ты Доронина не видела?

– Нет, не видела.

– А чего такая нервная? – усмехается и смотрит на меня чересчур подозрительно.

– Нормальная.

– Ну-ну.

Оттолкнув его в сторону, прохожу в дом. Боря действительно еще спит, распахиваю маленькое окно, чтобы проветрить, и стаскиваю с Яковлева одеяло.

– Боря!

Он не реагирует, наплевательски переворачивается на другой бок, накрывая голову подушкой.

– Бо-ря, – повышаю голос, пытаясь его растормошить.

После нескольких манипуляций мне это все же удается, и Борис садится на кровать. Вид у него помятый, как и одежда. Он сводит брови, хлопая глазами.

– Сколько времени?

– Обед уже.

– Блин, как я так вчера?

Клюет носом, а после пробегает по мне удивленным взглядом.

– Ты же вчера в джинсах была.

– Я уже успела побывать дома, пока ты тут спал, – упираю руки в боки.

– Прости, Мариш, – подается ко мне, дыша перегаром и пытаясь обнять.

– Ладно, все нормально, – улыбаюсь, усаживаясь рядом с ним.

– Правда?

– Конечно, – вздыхаю, касаясь его плеча ладонью, – слу-

шай, тут кое-что странное произошло.

– Чего?

– Я вчера психанула и уперлась к дороге.

– Что? – он округляет глаза. – Марина…

– Подожди, Сашка поймал мне машину и проводил до дома.

– А как он оказался…

– Подожди! По порядку давай, и суть не в этом, в общем, когда мы во двор зашли, на него напали. Три человека. Избили…

– С тобой все нормально? – впивается пальцами в мою талию.

– Да, меня не тронули.

Конечно же, я умалчиваю о том, что было, сейчас не в этом суть.

– Просто это странно, его будто ждали…

Боря трет висок, прищуривается, медленно поднимаясь на ноги.

– Мутно это все, хотя сейчас такое творится, сама знаешь.

– Знаю, поэтому и говорю. Это же Доронин, если он куда-то вляпался, то никогда и ничего не расскажет, не придет за помощью. А ты милиционер, ты можешь помочь.

– Здесь ты права. Только не лезь в это дело, поняла?

– Я и не собиралась. Как ты думаешь, зачем я все это тебе рассказала?

– Умница, – целует меня в макушку, – я попробую что-

нибудь узнать, хотя думаю, это пустая трата времени. Нужно поговорить с Саней.

– Может, не стоит…

– Стоит. Пить хочется.

Боря сглатывает, и я вижу, как подергивается кадык.

– Сейчас принесу воды.

Пока я наливаю в кружку воду, Борис о чем-то разговаривает с Маратиком. Они делают это очень тихо, и я спиной чувствую их взгляды, то и дело касающиеся моей спины. Оборачиваюсь и твердой походкой направляюсь туда, протягиваю Боре стакан.

– Спасибо. Поехали в город, здесь я потом разберусь.

Лукьянов кивает, натягивая кожаную куртку на голый торс, и почти сразу выходит на улицу.

– Подругу свою поднимай, – указывает в сторону терраски, – они там с Рыжим.

– Ладно.

Быстро передвигая ногами, оказываюсь в светлом пространстве террасы, посреди которой стоит высокая железная кровать.

– Мартынова!

Анфиска подскакивает на ноги, а увидев меня, меняется в лице.

– Я тебя сейчас убью. Совсем больная?

– Вставай, мы уезжаем.

– Да? Уже день? – выглядывает в окно, а после брезгливо

смотрит на Рыжова. – Блин, я что, с ним, что ли?

– Видимо, – пожимаю плечами, – жду тебя во дворе.

Глава 8

Вилейкин жил в центре города, в скромной пятикомнатной квартире, доставшейся от родителей, которые ровно год назад эмигрировали куда-то в Европу. Да и сам Веня не слишком вписывался в быт нашего города, внешне вполне непримечательный парень, невысокого роста, с чуть кудрявыми темно-русыми волосами, узкими плечами и очками на пол-лица, жил какой-то своей очерченной от основной массы жизнью.

Сразу после школы Веню отправили в Москву, к родственникам матери – учиться, вернулся он год назад, еще в столице подсев на наркоту. Наша деревня, по мнению его предков, должна была стать местом реабилитации, но, как оказалось, Вилейкин не только не завязал, но и попал в гущу событий, связанных со сбытом этой дряни в нашей области.

Так как Веня был единственным знакомым мне человеком, который мог быть в курсе о тех, кто на меня напал, плавая в недалекой от них среде, с раннего утра я выдвинулся к нему.

Квартира, куда меня впустила какая-то размалеванная девка, похожая на проститутку, очень отличалась от того, что я видел, приходя сюда школьником. Высокие потолки, забитые техникой и мебелью комнаты, единственное, что осталось прежним. В остальном полная разруха и бардак, местеч-

ко, больше смахивающее на притон. В холодильнике банка черной икры, сверток красной рыбы и еще куча всякой всячины, что странно, исходя из присутствующих здесь людей. Их много, и они явно не соображают, что происходит.

Вилейкин сидит в углу комнаты, которая когда-то была кабинетом его отца. Его тушка покоится в черном кожаном кресле, руки расслаблены, а глаза изредка моргают.

Запираю за собой дверь, ставя стул перед Веней спинкой к нему. Открываю плотные алые шторы, впуская в комнату солнечный свет. Воздух, переполненный дымом, кажется затуманенным, что четче видно под яркими лучами.

– Здорово, – сажусь, упираясь руками в спинку.

Веня прищуривается, склоняя голову вбок.

– Доронин?

– Я. Жизнь у тебя кипит, смотрю, – оглядываюсь по сторонам, останавливая взгляд на полке, уставленной книгами.

– Саня?

– Веня, ты совсем утух?

– Я стекло, – наклоняется вперед, – вмажешь?

– В другой раз, – возвращаю внимание к Вилейкину, – слушай, ты же с местными бандосами знаком?

– Смотря кто тебе нужен. Наезжают?

– Не то чтобы, но нужна информация. Парень, Влад, с быком на черном мерине ездит. Меня из-за него вчера так отделали.

– Сын Аккорда? – проводит пальцами по губам, изобра-

жая застегивающуюся змейку. – Тут я могила, говорить о Петре Викторовиче – себе дороже.

– Петр Викторович – это Аккорд, а Влад его сын? – переспрашиваю в надежде, что он что-то ляпнет.

– Подожди, – Валик поднимается с кресла и тяжелой походкой со сгорбленной спиной идет к широкому дубовому столу, обитому зеленым сукном. Выдвигает ящик, вытаскивая пакет с белым порошком.

Втянув в себя эту дрянь, запрокидывает голову, широко распахивая глаза.

– Продолжай, – машет рукой, садясь на край стола.

– Кто мог наехать на его сына?

– Звери могли.

– Это кто?

– Это… погоди, так тебя зверье отмудохало? Если это зверье, то они еще вернутся, можешь не сомневаться. Жизни не-да-дут, – дергает указательным пальцем взад-вперед.

– Давай без страшилок, значит, звери…

– Кстати, если хочешь, по старой дружбе могу замолвить за тебя словечко перед Аккордом, за услугу, конечно.

– В другой раз, – поднимаюсь на ноги.

– Заходи, я всегда готов к сотрудничеству. Хотя стой, – хватает за локоть и сразу разжимает пальцы, прочувствовав мое недовольство, – может быть, ты из-за Людки все это спрашиваешь?

– А при чем здесь она…?

– Ты не знаешь? – смотрит на меня выжидающе, а я молчу. – Серьезно? Твоя сестрица полгода как на Герцена обслуживает.

– Ты сейчас мою сестру шлюхой назвал? – сжимаю кулаки, вставая с ним нос к носу.

– Не кипятись, я правду говорю. Ее все видели и знают. Маратик там часто баб снимает, но тебе не рассказал. Интересно, совсем или еще?

– Рот закрой, – хватаю его за горло футболки.

– А я что? Я правду сказал, Доронин, ту, которую друзья твои говорить не захотели.

– Пошел ты! – отталкиваю Веню к стенке и, круто развернувшись, вылетаю в прихожую.

– Дверь входную за собой прикрой, – доносится следом.

По лестнице сбегаю, убрав руки в карманы, во дворе задираю подбородок, мельком смотря в Венины окна. Пинаю валяющийся камень, заворачивая за угол.

То, что он сказал, не укладывается в голове, потому что этого просто не может быть, Людка не такая. Да, она изменилась, стала более отстраненной, озлобленной, холодной, но это ничего не значит. Просто не может значить. Я верю в то, о чем думаю, искренне верю, но все равно иду к Маратику, чтобы вытрясти из него правду. Правду, которая мне понравится, или ту, что изменит мой мир окончательно.

Позвонив два раза в дверь коммуналки на Восточной, дергаю ручку, слыша недовольный ор по ту сторону. Лукьянов

не спешит, соседи нервничают, а я пребываю в натуральном бешенстве. Пару минут спустя Марат открывает, а брови на его лице ползут вверх. Затаскиваю его в длинный коридор коммунальной квартиры, припечатывая к стене. Фиксирую локоть на его шее, вынуждая встать на цыпочки.

– Доронин, – сквозь кашель, – ты сов…

– Людка бывает на Герцена?

Марат перестает сопротивляться, и я чувствую, как расслабляются его мышцы.

– Остынь, поговорим.

Раздраженно убираю руки, сверля спину Лукьяна глазами, пока мы идем в его комнату.

В его хате накурено, на полу валяются какие-то шмотки, а у кровати пара пустых бутылок. На столе банка с рассолом, в углу телевизор и шкаф, сюда он приходит только спать.

– Неплохо вчера посидели, – садится на стул, – курить будешь? – вытаскивает пачку.

Киваю.

– Не думай, что я зассал рассказывать, нет, – чиркает спичкой, – я думал, что тебя нужно как-то подготовить.

– К такому можно подготовить? – затягиваюсь, выдыхая дым, запрокинув голову.

– Не знаю…

– То есть это правда?

– Да. Откуда узнал?

– У Вилейкина был.

– Веньки? А зачем ходил?

– Не в этом суть.

– Из-за драки?

– Маринка?

– Яковлеву рассказала. Помочь тебе хочет.

– Гуманно.

– Тупо. Яковлеву сюда лезть не стоит.

– Согласен. Вечером будет нужна твоя помощь.

– Какая?

– Увидишь.

Тушу окурок, краем глаза замечая рукоятку ствола, торчащую из-под кинутой на стол футболки. Марат прослеживает мой взгляд, спокойно.

– Как она там оказалась? – опираюсь плечом на стену.

– Не знаю.

– Врешь.

– Правды не знаю, но говорят, звери на счетчик поставили.

– Звери? – сглатываю, отводя взгляд в сторону. – За что?

– Она в гостинке на Советской работала. Это Лёвина шарага теперь. Говорили, что Людка под шумок кассу вынесла.

– Ты в это веришь?

– Я верю только в то, что вижу своими глазами. Я предлагал ей помощь, деньги, но она меня послала. Возможно, ты мне сейчас вмажешь, но, Саня, я тебе зуб даю, ей нравится такая жизнь, она подсела.

– Наркота?

– Нет. Образ жизни, ей там по кайфу.

– Ты сейчас о моей сестре говоришь.

– Поэтому я и честен.

***

День проходит на автомате. Сажусь на стул посреди комнаты, еще раз сканируя разбросанные по полу Людкины вещи, ничего. В дверь звонят, а в глазке маячит Борька, не самое время для разговоров и встреч, но, пораскинув мозгами, решаю его впустить. Он может быть полезен.

– Здорово, – протягивает руку.

Отвечаю на рукопожатие, кивая. Борька же проводит пятерней по светлым волосам с отголосками рыжины и, расстегнув ветровку, скидывает кроссовки. Мы проходим на кухню, и я ставлю чайник.

Глупое, незатейливое и никому не нужное телодвижение, словно мы на самом деле будем пить чай.

– Рассказывай.

– Что? – сажусь напротив, между нами стол.

– Кто они?

– Не знаю.

– Вчера, может, и не знал, но сегодня по глазам вижу, что знаешь.

– А что еще ты видишь? – прищуриваюсь, подаваясь вперед. – Поделишься?

– С удовольствием, все свои разборки оставь при себе и

не впутывай в них Марину.

– Какой ты, Яковлев, грозный, когда мне начинать бояться?

– Еще вчера.

– Слушай, не лезь в это дело.

– Я и не собирался. С тем, куда вляпался, разберешься сам.

– С чего такие перемены? Еще вчера, – усмехаюсь, – ты называл себя моим другом.

– Марину не впутывай в эту грязь.

Яковлев выпрямляется и, выйдя из-за стола, направляется в прихожую.

– Ревнуешь? Мы же друзья, – улыбаюсь шире.

– Слушай, я ее люблю и для ее спокойствия готов на многое. Ты встрял по полной, они уже не оставят тебя в покое, лучше просто уезжай из города.

– Привет ей передавай. И спасибо за оперативность. Быстро она тебе команду фас дала.

– Слышь…

– Тихо, – поднимаю ладони, – спокойно. Я любя. Ты про сестру мою знал? – кидаю вопрос ему в спину.

– Пару раз лично выпускал из обезьянника, по приказу нашего начальника. За нее просил Аккорд. Говорят, что он ее очень ценит.

– Значит, и зверей знаешь!?

– Доронин, – резко разворачивается, – мой отец разраба-

тывает их шесть лет, и это не те люди, кто будет шутить. Если ты решил поиграть в Робин Гуда, одумайся, пока не поздно. А лучше вали из города.

Больше он ничего не говорит, мазнув по мне взглядом, разворачивается к двери и выходит на лестничную клетку. Я слышу эхо его шагов и, похлопав по карманам в поисках сигарет, иду на балкон.

Прикурив, смотрю на наш двор, замечая Баженову, они о чем-то разговаривают с Борькой, целуются, и он нагло трогает ее за жопу. Выпускаю дым, слегка оттопырив нижнюю губу. Они заходят в Маринкин подъезд, а я выбрасываю тлеющую сигарету вниз, возвращаясь в квартиру.

Через полчаса мы встречаемся с Лукьяном, он приезжает к кафешке за пару сотен метров до Герцена, на углу которого располагается ресторан «Сапфир», на старом ржавом запорожце.

Я уже внутри, вижу его в окно, Марат глушит мотор и пару секунд смотрит в лобовое стекло не моргая. Спустя пару минут вылезает на улицу и спешным шагом проходит в помещение. Вытягиваю руку, обозначая свое присутствие.

– Здорово, – садится напротив.

– И тебе того же.

– Что за дело?

– Поможешь?

– В чем?

– Людка двое суток якобы у подруги. Я хочу с ней встре-

титься, поговорить. Она должна с этим завязать.

– Она не станет слушать…

– Поэтому я хочу ее оттуда забрать.

– Ты понимаешь, куда хочешь влезть? Ее не отпустят так просто, а тебя пристрелят за скудные попытки ее спасения.

– Маратик, ты чего такой дерганый? – замечаю, как бегает его взгляд, как он стискивает кулаки, трет костяшками пальцев о стол.

Он на взводе, шугается каждого звука.

– Слушай, – сжимает переносицу, – я должен тебе сказать.

– Чего?

– «Сапфир» принадлежит Аккорду, как и Людка, он с ней спит.

– Меня это мало волнует.

– Саня, погоди, – подносит кулак к губам, – я тоже на него работаю.

Марат достает сигареты, а я уже не удивляюсь. Возможно, чего-то подобного я и ждал. Эти два года выпотрошили все, что у нас всех было. Ничего не осталось прежним, ложь, кровь и больше ничего. Пустота.

Моя сестра обслуживает вора в законе, и ее устраивает такая жизнь. Но меня нет, она же мясо, он выкинет ее в любой момент, когда этого захочет. Ее нужно вытаскивать, нужно, чтобы она уехала далеко, надолго. Она моя сестра, и я не могу смотреть на то, как она рушит свою жизнь.

– Я дальше сам, – поднимаюсь и иду на выход.

– Саня…

– Маратик, вали домой.

– Ты ее все равно не вытащишь, как ты этого не поймешь?

– Свали отсюда!

Лукьянов вылетает следом, и на доли секунды мы сталкиваемся с ним взглядами. Он не готов смириться и уйти, я же не готов спасовать.

– Она моя сестра.

– Я понимаю, но у тебя будут проблемы. К тем, что есть, подключатся еще…

– Уезжай. Не подставляй себя перед своим «начальником».

Ухмыльнувшись, хлопаю его по плечу и иду в сторону ресторана. На улице тихо, пешком дотуда метров пятьсот, но чем ближе я подхожу к забегаловке, тем громче становятся голоса. Иду, сжимая в кулаке часы, которые снял с запястья.

Людка стоит у ресторана, разговаривает с парочкой телок. На ней кожаный плащ и высоченные шпильки, темные волосы завиты в тугие пружинистые кудри и развеваются на ветру. Иду туда, хватая ее за локоть. Первые секунды она сопротивляется, привлекая к нам внимание, но сообразив, что это я, перестает орать и вырываться. Хотя к нам уже бежит пара бритоголовых лбов.

– Как ты меня нашел? – шипит, оглядываясь по сторонам.

– Весь город знает, где тебя найти. Мать, надеюсь, не в курсе?

– Руку убери.

– Слышь ты, – удар в плечо, – свалил отсюда.

– Ребята, все нормально, – лопочет сестра, улыбается, – это мой знакомый.

– Люда, зайди внутрь.

– Тебе же сказали, – подаюсь вперед, и Люда выставляет ладонь, упираясь ей в мою грудь.

– Тебя никто не спрашивал, – подключается второй.

– Все хорошо, парни, все хорошо, – разводит ладонями. – Саша, пошли поговорим, – тянет меня в сторону.

– Это как называется?

– Работа.

– Ты сейчас серьезно?

– Более чем, – поправляет короткую кожаную юбку, – матери зарплату полгода не выплачивали, нам жрать нечего было. А отец, – замолкает, – ты сам знаешь…

– Поэтому ты решила вынести кассу в гостинице?

– Откуда ты…

– Так это правда?

– Не совсем. Петр Викторович мне помог, теперь я помогаю ему.

– Что это значит?

– Он выкупил мой долг у Лёвы.

– Ты по-прежнему должна, но только теперь Аккорду.

– Если ты, – тычет пальцем в мою грудь, – веришь тому, что болтают в городе, то мне противно от мысли, что такой

человек может быть моим братом. Я помогаю Петру Викторовичу, а мальчики, – кивает на тех двух, – мне в этом содействуют.

– Ты сутенерша?

Понимание этого всплывает само, давит атмосфера и окружающая обстановка.

– Грубое слово. Саш, иди домой, а?!

– Значит… это же не ты… тебе девятнадцать лет, что ты творишь?!

– Люди меняются, Сань.

Людка начинает уходить, и я на автомате хватаю ее за рукав кожаного плаща. Ее «охрана» в момент реагирует на мой всплеск агрессии, завязывается потасовка. Один из них вытаскивает нож, я чувствую, как холодное лезвие рассекает кожу на руке, и успеваю выбить бабочку, прежде чем она войдет в мое горло. Слышу крики и скрип тормозов. Ныряю вниз, подбирая нож, и за секунду до того, как меня начинают оттаскивать, вонзаю его в живот одного из этих мужиков. Это происходит случайно, меня толкают в его сторону и резко тянут назад, но уже поздно. Гул толпы, выбежавшей на крики, выстрел, захват, вынуждающий сесть в машину, на секунду прикрываю глаза, а когда распахиваю, улавливаю боковым зрением черную балаклаву, натянутую на голову Маратика.

– Мне кажется, я кого-то прирезал, – разжимаю пальцы, и нож падает на коврик.

Лукьянов матерится, но ничего не отвечает. Мы едем куда-то очень долго, время переваливает за час ночи, но машина продолжает ехать.

– Где мы? – откидываюсь на спинку.

– Нужно сжечь тачку, нож, шмотки. Людка выкрутится.

– Ты был прав, ей…

– Она спит с Аккордом. Поэтому она выкрутится, и поэтому она неприкосновенна. Она уже давно не та, кем ты ее себе рисуешь.

Сжимаю переносицу, отворачиваясь к окну.

– Но она по-прежнему расходный материал, как и все мы. Только твоя сестра этого не понимает!

Марат дергаными движениями вытаскивает сигареты, прикуривает, открыв форточку, и заворачивает в лес.

– Здесь все сделаем. Сука, если Аккорд узнает, мы с тобой оба трупы.

– Они меня видели, все.

– Я постараюсь что-то придумать. Не знаю… выход должен быть.

Эти слова, сказанные Маратом в ту ночь, отпечатались в моей памяти на всю жизнь. Я знал, что выхода не было, я его не видел. Все закрутилось слишком быстро, настолько, что ничего уже не могло что-либо изменить. Я подставил Марата, Люду… заварил всю эту кашу и не в силах ее разгрести.

В город мы возвращались поодиночке, и меня уже ждали. Я не успел дойти до подъезда. Несколько машин, стоящих

по периметру, и пристальные взгляды говорили об одном – меня больше нет. Я знал, что будет дальше, и надеялся, что мама ничего не увидит. Я умру сегодня, возможно, в муках, и мне было страшно. Страх – это нормально, если ты не чувствуешь страха, ты перестаешь быть человеком. А я им был, пока был.

Глава 9

Какое-то пугающее чувство, оно окутало внутренности, и я проснулась, вскочила с постели, отчетливо понимая – что-то произошло. Холодный пот и дикий страх.

Откинув одеяло, всунула ноги в тапки и аккуратно подошла к окну. Отодвинула штору, смотря на пустой утренний двор. На часах шесть утра, солнце уже встало.

Переминаясь с ноги на ногу, я все же задернула занавеску, пошаркав в ванную. Окатив лицо ледяной водой и почистив зубы, села на край ванны, смотря на свое отражение в зеркале. Меня продолжало крутить, и я не знала, с чем это связано, ровно до тех пор, пока в дверь не начали настойчиво стучать.

Взглянув в глазок, я удивилась, но что-то внутри напряглось еще больше. Люда, стоявшая за порогом, обнимала себя руками, иногда растирая по лицу слезы.

Щелкнув замком, я впустила ее в квартиру, пребывая в шоке.

– Марина, мне нужно связаться с Яковлевым.

– Зачем?

– Это важно.

– Шесть утра, Люд.

– Сашу могут убить, – она опустила взгляд, а меня повело,

я еле успела ухватиться рукой за комод позади.

– Это из-за тебя, из-за того, чем ты занимаешься? Это ты во всем виновата! – я обвиняла, смотря ей в глаза, и видела, что ничего в ней не дрогнуло, ничего.

Она сосредоточенно стерла слезы, которые, кажется, были напускными, и склонила голову вбок.

– Я знаю, – ответила спокойно, – ему не стоило туда приходить. Так ты поможешь?

– Куда? – свожу брови. – Что с ним произошло? Нападение было из-за тебя?

– Какое нападение? – прищурилась.

– Во дворе, ночью вчера, на нас напали, грозились вернуться.

– Значит, Аккорд – не единственная проблема, – шепнула себе под нос.

– Кто? – я нахмурилась.

– Не важно. Все сложнее, чем ты думаешь. Дай новый Борин адрес.

– Зачем?

– У меня есть идея, и я готова воплотить ее в жизнь, чтобы спасти Саню.

– Ладно, но я поеду с тобой.

Схватив с вешалки плащ, обулась и, захлопнув дверь, пошла за ней следом. Во дворе у нашего подъезда стояла машина. За рулем был широкоплечий тип пугающей наружности. На его лице был шрам, он начинался от уха, проходя по

скуле, и заканчивался возле подбородка. Сглотнув, я села на заднее сиденье и продиктовала адрес. Люда кивнула, и бугай завел машину. Мы ехали слишком быстро, ветер, попадающий в салон через приоткрытую щелку окна, раздувал мои и без того растрепанные волосы. Я смотрела на улицу, стискивая зубы и теребя пальцами пуговицу на плаще, которая вот-вот оторвется.

У Бориного дома Люда приказала водителю этой машины нас ждать и, громко цокая каблуками, устремилась вперед. Я шагала следом, указывая, какой подъезд, этаж, дверь.

Боря открыл раньше, чем мы поднялись, видел нас в окно. Стоило нашим взглядам встретиться, и я поняла, что он боится. Боится за меня и дико зол на Людку.

– Есть дело, пригласишь? – она смахнула со своего черного кожаного плаща невидимую пылинку.

Ее бордовые губы ядовито улыбнулись, и Боря отошел в сторону, пропуская ее в квартиру.

– С тобой все хорошо? – сжал мои плечи.

– Да, – я кивнула и прошмыгнула внутрь.

Люда прошлась по большой комнате не разуваясь и села на диван, закинув ногу на ногу.

– Выпить предложишь?

Борис сел напротив нее в кресло, упираясь руками в деревянные ручки. Я стояла у стены, бегая взглядом по квартире.

– Значит, не угостишь, – цокнула языком, – жаль.

– Чего тебе надо?

– Пусть она уйдет, – кивок в мою сторону.

Боря хмурится и кивает, прося меня исчезнуть.

– Я хочу знать, – говорю четко и воинственно.

Люда мягко смеется, облизывая губы.

– Ладно. Если в двух словах, Сашка перешел дорогу Аккорду. Сегодня ночью. И его уже ищут.

– Ты же с ним спишь, помоги брату. А, забыл, твое мнение для него ничего не значит, – Борис оскалился. – Или, может, мне тебя оформить? Статья найдется.

– Грубо, – вздохнула, – но, наверное, справедливо. Ты же понимаешь, чтобы спасти кого-то от смерти, нужно предложить что-то взамен, и у тебя это есть.

– У меня?

– У твоего отца. Он много лет разрабатывает Зверя и Аккорда. Лев меня мало интересует, а вот Петр, если вы отдадите компромат, который у вас есть, мой брат останется жив.

– Ты ставишь жизнь Сани на кон.

– Нет, ее ставишь ты. Что тебе дороже, друг или бумажки?

Яковлев подается вперед, сжимая кулаки.

– Без агрессии.

– Ну ты и сука, – сквозь зубы.

– Я хочу помочь. Помочь брату, которого люблю, который твой друг, между прочим. И ее, – кивает в мою сторону. – Ты прав, Петр не будет меня слушать, когда у меня ничего нет. Но если я предложу альтернативу, все изменится.

– А если нет? Он может не сдержать слово.

– Он всегда держит слово, и ты это знаешь.

– Вряд ли, я слишком далек от вашего…

– Я поняла, не утруждайся. Так что?

– Мне нужно поговорить с отцом, – Боря поднимается с дивана, нажимая пальцами на виски.

– Времени очень и очень мало.

– Я понял. Мне нужен час.

– Час, – Люда смотрит на циферблат часов, украшающих ее запястье, – час у нас есть.

– Марина, я вызову такси, езжай домой.

– Я…

– Домой, – повышает голос, и я киваю.

Глава 10

Агония. Тело погрязло в агонии и нестерпимой боли. Кровь заполонила все пространство, я почти не вижу и ничего не слышу. Только глухие отголоски где-то на задворках сознания. Ледяная вода, выплеснутая на мою голову, отрезвляет, я не ориентируюсь в пространстве, но некоторые чувства ко мне возвращаются, а боль становится сильнее.

Прикрываю глаза, втягивая воздух.

– Еще плесни, – этот голос, опять он.

Вода стекает по телу, я и подаюсь вперед, ощущая режущую боль в запястьях. Наручники, которыми я распят, стоя на коленях, впиваются в кожу до костей. Кромсают мясо металлом, врезаясь от каждого движения все сильнее. Сжимаю – разжимаю пальцы, смотря перед собой помутненным взглядом.

Напротив, вроде и близко, а вроде и далеко, стоит кресло. Из кресла раздается голос. Я не помню лица и уже не могу его разглядеть, но знаю этот голос, он преследует меня все это время. Все время, что я хлебал собственную кровь, он был рядом.

– С тем, что ты убил моего человека, мы разобрались. Приступим ко второму, – он говорит медленно и даже лениво. – Кто помог тебе уйти?

– Я сам.

– Не-е-ет! Машина, там была машина, – протягивает, испытывая удовольствие от всего происходящего.

– Я был…о…дин, – на выдохе.

– Плохо, – качает головой, – очень плохо. А я хотел по-хорошему, – вздох, – топи баню, Гризли, – хлопает в ладоши, – пора очиститься.

Сглатываю, понимая, что все только начинается, они не готовы просто убить. Им нужно зрелище и информация. Я должен сдать им Лукьяна. Чтобы спокойно сдохнуть, я должен подставить и его голову тоже.

Слышу голос вне комнаты, он громкий, надрывный. Дверь распахивается, в ушах стук каблуков, а я не могу разлепить веки.

– Он спас твоего сына! – Людкин голос врывается в мое сознание. – Когда Василек потерял мальчишку, его поймали звери, и мой брат его спас! – она говорит громко, но спокойно.

Ее ледяной тон и ни разу не дрогнувший голос удивляют.

– Позови Влада.

– Пошла вон отсюда. Уберите ее.

– Позови Влада!

Люда не унимается, и ее начинают выводить.

– Если бы не он, ты бы похоронил мальчишку, слышишь, похоронил по частям. Ты знаешь, что бы они с ним сделали!

Звуки потасовки прекращаются. Открываю глаза, видя

свою сестру, стоящую напротив Аккорда.

– Ты обязан ему, – указывает на меня ладонью, – жизнью сына.

– Откуда ты знаешь?

– Я была у Вилейкина, он мне рассказал, – касается его запястья, – Василек подтвердил, что так и было, он нашел Влада, когда мой брат всех отделал. А еще позавчера люди Зверя пришли с отверткой, их что-то спугнуло, но они обещали вернуться.

– Он выпотрошил Капу.

– Я знаю, – Люда опускает голову, проводя ладонями по лицу, – Яковлев не отдал мне компромат, даже не связался с отцом, – сглатывает, – я хотела спасти брата, хотела принести эти бумажки тебе. Я сделаю все, что ты захочешь, – ее губы дрожат, – отпусти его. Прошу тебя.

– Он убил моего человека, это не прощается.

– Он спас твоего сына, – подается вперед, – неужели это не ценно?

Аккорд громко втягивает воздух, поворачиваясь к двери.

– Василька ко мне в кабинет, живо.

Я вижу, как они уходят, они все. Дверь закрывается, а свет гаснет.

Не знаю, сколько я там нахожусь, час или несколько суток. Я то проваливаюсь куда-то далеко, чувствуя расслабление и отрешенность, то прихожу в себя, ощущая боль.

В одно из таких возвращений дверь распахивается, а свет,

мгновенно раздражающий сетчатку, включается надо мной.

– Закрой глаза, – Людкин голос, – все закончилось, – она расстегивает наручники, – тебе помог Веня, слышишь? Его уже наказали.

– Он не… – губы пересохли и покрылись коркой.

Они трескаются, стоит мне хоть немного приоткрыть рот.

– Это был он, – с нажимом, – понял?

Киваю, либо же думаю, что киваю.

– Сейчас тебя отвезут в больницу, а после мы все обсудим.

Людкины пальцы касаются моего лица, и я слышу всхлип.

– Твой друг редкостная тварь, – сглатывает, – он просто тянул время. Нам никто не поможет, Сашка, никто кроме нас самих, – вытирает слезы. – Пока будешь в больнице, я скажу маме, что ты поехал к папе в Мурманск узнать насчет работы. И отцу позвоню, он поймет. Мама не должна ничего знать, она просто не сможет это пережить.

– Хо-ро-шо.

Это последнее, что я помню, перед тем как отключился. В себя прихожу уже в палате, с капельницей в руке. Люда сидит на диванчике по другую стену, поджав под себя ноги и накрывшись покрывалом. Спит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.